

18+

Delia Ree

Роковое клеймо

Delia Ree

Роковое клеймо

«Издательские решения»

Delia Ree

Роковое клеймо / Delia Ree — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964366-7

Не разводите руками, не веря, что можно перевернуть жизнь одним несчастным случаем в детстве. С героиней книг это произошло, когда она обварилась кипятком. Шрамы на лице определили ей один путь — быть выбранной тому, кому она была удобна, чтобы нести крест одинокого существования с ненавистным человеком, чтобы увидеть яркий всполох забрезжившей любви и поплатиться за нее до конца своих дней, так и не увидев, как плод этой любви — сын, пережив годы сиротства и страдания, обрел настоящее счастье.

ISBN 978-5-44-964366-7

© Delia Ree

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
1980 год. Май	6
Глава 1	8
2012 год	8
1980 год	10
Глава 2	12
2012 год	12
Глава 3	15
Глава 4	19
1970 год	21
2012 год	22
Глава 5	23
1970 год	27
2012 год	29
Глава 6	30
1970 год	33
2012 год	34
Глава 7	35
1970 год	35
2012 год	36
1972 год	37
2012 год	38
1972 год	39
Глава 8	40
2012 год	40
1972 год	41
2012 год	43
1972 год	44
2012 год	45
Глава 9	46
2012 год	46
1973 год	49
Глава 10	50
2012 год	50
2012 год	52
Глава 11	54
1973 год	54
2012 год	56
Глава 12	58
1973 год	58
2012 год	61
Глава 13	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Роковое клеймо

Delia Ree

© Delia Ree, 2020

ISBN 978-5-4496-4366-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

1980 год. Май

Сиренево-серой, кривой полоской вырисовывался рассвет на небосклоне. Холодный туман окутывал узкие улочки, густился во дворах, с замиранием ожидая первых лучей солнца. Время будто застыло, повисло, как и этот туман, который сосредоточился над высохшей, почти коричневой травой, оставшейся с прошлого лета, проникая между щелями в заборах палисадниковых ограждениях.

На самой окраине заголосил первый петух, его подхватил другой, пока к ним не присоединились еще несколько с разных концов аула. Нет, не приметное оно было это утро. Обычное, втертое в быт жителей, пропитанное не одним поколением, с его привычным укладом и заботами.

Только холодное утро. Будто не майские деньки настали, а опять вернулась промозглая осень.

Помнилось еще, как осенью стыла земля, как редели деревья, как таял облик теплого лета, чтобы потом укрыли снега белыми просторами всю округу, выравнивая дороги, утомляя глаз, ослепительный белизной. И вот, как одно мгновение, уже и снова лето не за горами. Только погода еще не желает побаловать своей ласковой теплотой. Холодно...

Дария выдохнула пар изо рта, закуталась в телогрейку и пошла в сарай. Теплый запах навоза с прохладной улицы, защекотал в носу. Она встала на пороге, но не прошла вовнутрь. Слышалось грузное дыхание коров, вырывающееся из ноздрей горячим паром, белесо таявший в сумерках сарая. Где-то в углу попискивали утки, тесно прижимаясь друг другу, за перегородкой шуршали бараны. Привычная работа ждала Дарию, но она не могла перешагнуть порог. Она уставилась невидящим взглядом куда-то в сторону, только чувствуя, как ей холодно.

Замычала старая корова, всегда нетерпеливая, от чего Дария начинала доить ее первой. Огромная пятнистая буренка, давала больше всех молока, вымя ее было тяжелым наливным, а если чуть замешкаешься, молоко начинало сочиться прямо на навозный земляной пол, белыми узкими полосками растекаясь в разные стороны, пока трещины утрамбованной почвы не впитывали в себя парную жидкость.

Через мутное стекло постепенно просачивался утренний свет, вырисовывая в темноте светлые бока коровы, ее черный с красными прожилками глаз, наблюдающий за Дарией, которая, непонятно почему, не торопилась облегчить ее вымя. Дальше стояли еще коровы, но их пока не возможно было разглядеть из-за густой темноты сарая, только глухой стук переминающихся копыт, которые будто тоже заражались нетерпением от старой подруги.

А холод сковал пальцы на руках, чувствовалось, как кожа под одеждой начинает покрываться мурашками. Хотя уже днем от этого холода не останется и следа, солнце, поднимаясь высоко в небо, обогреет землю. Пусть еще подтапливаются печки в домах, да и весна запозднилась, но лето уже так близко. Как же горько от этой мысли, как обидно и больно.

Наверное, будет жарко. Наверное, жизнь в этих местах не особо изменится, хотя изменения пришли уже прошлой весной, когда построили, наконец, за столько лет, хорошую трассу вдоль аула. Стали чаще проезжать по ней машины. Пусть в основном мимо, не кто-то из родственников, но все равно, ощущение, что что-то изменилось, не покидало уже никогда. Эта дорога будто стала проводником для тех, кто торопился к другой жизни, не схожей с этой замедленной и блеклой. Спешила жить на новый лад в основном молодежь. Люди тянулись в город, опустошая сельские земли, покидая отчие дома. Их, этих заброшенных домов, теперь стало больше, сиротливо глядящих на мир замутненными стеклами окон.

Только вчера Дария проходила мимо них, обжигаемая болезненными воспоминаниями недавнего прошлого...

Но это все сейчас не важно. Теперь все действительно останется в прошлом. Эта точка, маленькая точка в ее судьбе.

Губы, высохшие с трещинками и облезлой кожей, невольно приоткрылись, будто Дария хотела что-то прошептать, но только устало прикрыла глаза, желая в этот момент только одного, чтобы ничего этого не видеть, чтобы в миг все изменилось, и она перестала чувствовать этот ужасный, проникающий до самых костей холод.

Не включая свет, Дария сделала решающий шаг, сняла толстую веревку, которой обычно обвязывала хвост коровы, чтобы не хлестал по лицу во время дойки, нашла еще один кусок подлинней и связала их как можно крепче. От резких движений платок на голове сполз вниз, растрепав копну черных волос. Она будто хотела успеть, от чего все делала так быстро, словно и эта работа для нее была привычной. Сдувая волосы, падающие прямо на глаза, она подняла голову к потолку.

Из темных кривых досок торчал массивный железный крюк, на который подвешивали тушу животного для разделки. Будто чей-то кривой указательный палец, застыл в воздухе, в загнутом виде, призывая к своей холодности. Дария замерла на мгновение, но потом снова решительно подскочила к табуретке в углу, скинула ведро, поставила его под крюком и встала сверху. Руки почти согрелись, отчего она ловко связала один конец веревки на крюке в узел, а другой петлей закинула себе на шею.

Тишина. Какая хорошая, спокойная тишина. Будто и животные замерли в ожидании и непонимании действий хозяйки.

Глуховато, но все же можно было сейчас расслышать хриплый крик петуха, где-то по соседству от них. Заводила у них был молодой, голосистый, а этот, будто завершающе, сипло оповестил, что утро действительно наступило.

Дария облегченно вздохнула, посмотрела на мутное окно, за которым, мало что можно было разглядеть. Свет даже днем едва сюда попадал.

Не было страшно, наоборот, так спокойно, как еще никогда за годы, что она жила в этих краях. Было такое чувство, что, наконец, она сделала что-то самостоятельно, что-то такое, что твердо знала – это она, она сама так решила!

И это принятое решение, еще стучало в такт ритму ее сердца, еще горело в ее мыслях, закрывая пеленой пустоту в ее хрупкой душе. Теперь точно.

Ее мысли уносились далеко в детство, вспоминая родителей, братьев и сестер. Родной дом. Все это было как будто во сне, вроде и жила она там, вроде и было это детство, но такое далекое, такое замутненное всего лишь семью годами, проведенными в чужой стороне. Там, где она возможно никогда бы не была, где не познала все то, что человек иногда не проживает за всю жизнь, а она изжилась несколькими годами. Не обрела она счастье в чужой стороне, осталась она для нее словно вынужденная каторга. Только не смогла Дария сохранить даруемое богом счастье, в котором был весь смысл, вся ее суть, оправдание за утраченные годы и юность.

Она посмотрела в окно, улыбнулась горько своим мыслям, качнулась вперед и повисла.

Глава 1

2012 год

Затянув густой дым сигареты, Марат прищура глянул на конверт, лежащий на подоконнике. Выдыхая горьковатый дым, он взял его в руки, повертел и снова бросил на то же место. Довольно объемный, с едва пожелтевшими краями от времени. Сейчас мало кто пишет письма, все в основном общаются по интернету. А тут письмо, пережиток времени. Марат ухмыльнулся, мотнув головой.

Странно все это. Он прикрыл глаза на мгновение и затаился, выпуская синеватый дым. Туманное облако коснулось стекла, поползло вверх, теряясь в белых откосах пластика оконного стеклопакета.

Может это случайность? Или эта девчонка, которая прибежала с утра пораньше, тревожа, как сумасшедшая в дверь, что-то перепутала? Нет, она назвала его имя, когда он открыл. Значит письмо действительно адресовано для него.

Марат повертел жестяную банку, служившую пепельницей, замаял окурки о кривой край и выглянул в окно.

На лавочке во дворе сидела молоденькая девушка, что-то крутила в руках, толи тетрадку, толи что-то еще, иногда поправляя выбивающиеся от ветра пряди темных волос. Она сказала, что подождет, пока он прочтет письмо.

Марат глянул на подоконник, но взять в руки конверт не решился.

«От кого это письмо и вы уверены, что это для меня? – спросил он настороженно, когда девушка протянула ему конверт. Она утвердительно кивнула».

Он снова глянул через стекло во двор и тяжело выдохнул.

«Да вы не бойтесь, возьмите, это важно. Когда вы прочтаете, то все поймете, – сказала девушка и улыбнулась, – а я подожду пока на улице...».

Допив растворимый кофе, Марат накинул рубашку поверх футболки. На часах уже было половина девятого, ему еще нужно было забрать рабочих на объект. Он сунул конверт в карман джинсы, взял сумку с вещами и чемодан с инструментами и захлопнув дверь спустился вниз по лестнице.

Увидев его, девушка вскочила и искренне заулыбалась.

– Мне пора на работу, – строго произнес Марат, и улыбка незнакомки разочарованно поплыла вниз.

– Вы не прочитали? – она даже поддалась вперед.

– Нет, – резко ответил Марат, сделал несколько шагов вперед, но тут же развернулся к девушке, – это письмо от тебя?

Брови девушки удивленно поднялись вверх, она замотала головой.

– Нет, конечно, я вас первый раз вижу. Вы прочитайте, и вам сразу все станет понятно.

Марат еще ближе встал к девушке, так что той пришлось неловко задраить голову, чтобы посмотреть в лицо мужчине. Он был достаточно высок по сравнению с ее небольшим ростом. Она даже часто заморгала от растерянности и раздраженного выражения лица Марата.

– Я не люблю загадки и какие-то подростковые секретки, если ты или твоя подруга не ровно дышит ко мне, то ничем помочь не могу!

Он сунул ей в руки сложенный пополам конверт, развернулся, что бы уйти, но девушка схватила его за руку.

– Вы слишком о себе высокого мнения, – она строго глянула ему прямо в глаза и вложила в широкую ладонь письмо, – если вы уделите пять минут вашего драгоценного времени на это письмо, с вас не убудет, поверьте! И я вам не подросток, а студентка третьего курса!

Девушка развернулась от него и пошла прочь, оставляя Марата в еще большем недоумении.

В голове зудела нелепая ситуация с письмом. День не заладился, было много погрешностей по работе, а объект после ремонта сдавать уже послезавтра. Марат присел на перевернутое ведро и развернул лист сметы. В голову не умещались мысли о работе. Он поморщился, как от зубной боли и напряженно выдохнул.

«Не убудет, – Марат тряхнул головой, будто пытаясь отогнать слова настойчивой, как выяснилось, студентки.»

Что имела в виду эта странная особа? Марат достал конверт из кармана. Он глотнул чистой воды из капроновой бутылки, зажал в зубах сигарету и надорвал край конверта.

Ребята из бригады отдыхали во время обеда. Поэтому можно было воспользоваться моментом и прочитать, хотя бы поставить точку во всех этих странностях с тайным посланием.

Он вытащил сложенные пополам листы и развернул их. Каждый был исписан, практически не оставляя больших пробелов или краев. Подчерк ровный, только местами, будто написан сбивчиво.

Марат скинул пепел на пол и затянул новую порцию дыма.

«Здравствуй, мой дорогой, мой долгожданный сын!»

Он нахмурил брови, ничего не понимая, снова вернулся к первой строчке.

«Здравствуй...»

Как-то нервно ухмыльнулся своим мыслям и продолжил читать.

«Я даже не знаю, как тебя зовут, мой мальчик, хотя, пока носила под сердцем, была уверена, что у меня будет именно мальчик.»

Марат хмыкнул, невольно, даже враждебно.

Он откинулся назад, изучающе разглядывая подчерк. Сын? Через тридцать два года о нем вдруг вспомнила родительница? Назвать ее матерью, как-то язык не поворачивался. Стоит ли продолжать читать бред, дамы, у которой проснулось чувство материнства? Он хотел смять листы, но взгляд все равно пробежался по следующим строчкам.

«Тебе будет нелегко читать это письмо, так же как мне, тяжело передать все то, что чувствую и что пережила я за свои годы, уложить все в одно единственное послание. Возможно, я бы и не написала его никогда, возможно и ты не узнал ничего, если б в то утро, когда я решила покончить собой, я не узнала о том, что ты жив.»...

1980 год

... – Ах ты дрянь!

Шум в ушах от прилившей крови, стучал жестокой болью. Жадно хватая воздух сквозь спазм и хрипы, Дария упала на земляной пол, кашляя от нехватки воздуха. Удар сапога мужа пришелся ровно по животу. Он схватил веревку с ее шеи и стал хлестать, куда только попадала толстая вязка грубой веревки.

– Сука! Дрянь! Решила легко избавиться от всего?! Не-е-ет! Не выйдет! Ты будешь жить, но каждый день мечтать о смерти, а я всегда буду следить за тобой, чтобы ты не смогла доставить себе такого удовольствия!

– Отпусти меня к моему сыну, – заплакала Дария хриплым голосом, – не могу я так больше, не могу...

Амангельды сел на корточки и схватил Дарию за лицо, так чтобы она видела его.

– Нет, после новости, которую я тебе скажу, ты будешь умирать от тоски, но никогда не получишь то, о чем мечтаешь! Будешь жить и каждый день, медленно съедаемая собственной совестью и горечью! Зная тебя, это будет высшая кара, дрянь!

Дария схватила его руку насколько хватало сил, сжала ее.

– Мой мальчик жив, да?! – ее губы задрожали, а глаза умоляюще смотрели на мужа.

– Запомни одно, – начал Амангельды отдернув свою руку, – твой ублюдок будет жив до тех пор, пока ты будешь прилагать все усилия, чтобы в глазах родни и всего аула, быть самой прилежной женой. Так чтобы никто и никогда не смог даже пикнуть о тебе что-то. Мои дела идут слишком хорошо, чтобы такая гадина, как ты все испортила.

Да, твой ублюдок жив, но ты никогда не узнаешь где он, уж поверь, я приложил к этому все усилия. Даже не пытайся его искать, иначе одно мое слово и он сдохнет, от какой-нибудь внезапной болезни...

– А что если я расскажу своим, что ты сделал с моим ребенком, как тогда быть с твоей карьерой?

Амангельды схватил Дарию за волосы и ткнул лицом в навозную кучу.

– Тогда ты будешь жить хуже собаки! Будешь мечтать сдохнуть, а твой ублюдок испытает на себе весь ад за свою блудливую мамашу! Выбирай, что тебе дороже насолить мне или жизнь твоего заморыша!?

Она скорчилась, прижимая колени к груди. Не кричала и не плакала. Зачем?

Дыхание мужа было сиплым. Оплыл он в последние годы от хорошей жизни. Грубые слова глохли от резких движений, от чего казались смешными странными и совсем не страшными, но голос мужа, который Дария возненавидела за эти годы, въедался в голову, как резкая и внезапная боль.

– Будешь, подышать медленно и каждый день, но делать все, что я тебе скажу!

Еще один пинок по спине Дарии и Амангельды выдохся, развернулся к выходу и вышел из сарая. Слышно было, как его шаги удалялись, хлопнула входная дверь в дом. Только сейчас Дария услышала, как мычат коровы. Она зажала уши и зажмурила глаза. В грудях появилась распирающая боль, снова налились молоком. Вмиг рубашка и кофта пропитались и стали мокрыми. Она застонала, но заставила себя подняться. Вытерла платком лицо от навоза, потом руки.

На улице уже рассеялся туман, только чувствовалось в воздухе сырость. Вымыв руки, в умывальнике, Дария подоила коров и занесла ведро домой. Затопленная ею до этого печь, хорошо разгорелась. Дома было тепло. Она скинула грязные вещи, вымыла хорошенько руки и лицо, а потом поставила ведро с водой на печь.

Дария глянула в зеркало. Бордовый след от веревки четко отпечатался на белой коже шеи. Она провела рукой, чувствуя, как больно от любого прикосновения.

Все это не важно. Дария запахнула кофту и двинулась к печке.

Главное слова Амангельды. Ее сын жив! Жив! И она должна жить, теперь обязана!

Дария приготовила на стол, процедила молоко, разлив его по банкам. А потом пошла в кладовку. Она старалась не смотреть на привычную здесь обстановку. Это комната стала для нее ненавистной, камерой пыток в одночасье. Стараясь не допускать воспоминания, Дария придвинула стул ближе и стала наливать воду в таз. Сюда тепло от печи практически не доходило. Дария достала кусок мыла, скинула одежду на пол и принялась ладонью поливать на себя воду. Пар клубился вокруг ее тела и пропадал в прохладных стенах помещения. Сцедив молоко, она вытерлась насухо и затянула груди платком, чтобы молоко быстрее перегорело. Как его было много. Хватило бы выкормить даже двоих. Губы невольно задрожали, но Дария сжала их в тонкую полоску, чтобы подавить слезы, надела чистые вещи и принялась отстирывать грязные. Она будет сильной. Будет, несмотря на все испытания, которые ей предстоит еще пройти...

Глава 2

2012 год

Марат встал и заходил по комнате. Поднял голову и посмотрел на потолок. Может это всего лишь дешевый спектакль, чтобы надавить ему на жалость? Может, ей нужны деньги, вот и весь концерт?

Он присел обратно, но не сразу стал продолжать читать письмо. Конечно, было любопытно, что же она могла придумать еще. Рабочие зашевелились, лениво приступая к своим обязанностям. Марат взял со сложенного из досок стола для еды пачку сигарет и зажигалку, сунул их в карман и, пряча письмо от посторонних глаз, чтобы не было лишних вопросов, вышел на балкон.

Хотя осень и была в самом разгаре, уже две недели стояла теплая и солнечная погода. Листья только-только начинали желтеть, но не торопились осыпать серый асфальт золотом. Марат пригляделся вдаль, наклонился вперед, опираясь руками о перила балкона.

Даже если все, что там пишет эта женщина правда, что она хочет теперь? Встретиться и объяснить, почему бросила его в младенчестве? Может он всего лишь ошибка молодости, поэтому она пыталась покончить собой? Только ему не особо хотелось ненужных встреч, слез и мольбы о прощении. Он не мог даже представить, о чем говорить с этой женщиной. Детдомовские дети, наверное, на протяжении многих лет пытаются уловить хотя бы ниточку, связанную с родными, выяснить хоть что-то о родственниках и об истории семьи, а здесь, надо же так получается, что, мать нашла его сама. Но это ничего не меняло. Марат выпрямился. Он точно знал, что ему этой встречи не надо. Чтобы она там не писала, это не изменит его твердого мнения о том, что если ты оставила ребенка, не сделала аборт, то живи и расти его, а не выкидывай, как ненужную вещь, по какой-то там важной причине. Марат сплюнул. Ладно, чтобы быть честным, прежде всего, честным перед собой, он прочтет письмо до конца.

Он медленно закурил сигарету, достал уже изрядно потрепанный лист и пробежался глазами по строке, где остановился до этого.

«...ты не узнал бы ничего, если б в то утро, когда я решила покончить собой, меня не вытащил из петли муж, который и признался, что ты жив. Наверное, лучше начать с самого начала, а именно с моего детства...»

Жили мы, бедно, нуждаясь даже в самом простом. Детей в семье было шестеро, я четвертая. Отец работал пастухом, мать домохозяйка. Когда мне исполнилось два года, родился младший брат, родственников много, частые гости, дети были сами по себе. Вот и я была в силу возраста любопытной и слишком самостоятельной, пока это не обернулось для меня трагедией. Облилась я тогда кипятком. Аул был далеко от райцентра, где находился медицинский пункт, везти меня было некому и не на чем. Старая травница, сказала матери, если сутки продержусь, буду жить. Наутро жар спал. Только с вернувшимся самочувствием, я больше не могла выглядеть, как раньше. Мое лицо покрылось страшными рубцами. Конечно же, никакие самодельные мази мне не могли помочь. Для девочки, с изувеченным обликом, непросто. В этом я стала убеждаться, становясь старше, когда соседи в открытую пророчили моей семье и мне не легкую судьбу. Дружила я только с одной девочкой, Айгуль. Мы учились в одном классе, делали уроки вместе, даже мечтали по окончании школы, поступить в училище в городе и стать медсестрами. Она одна, как и ее семья, никогда даже намеком или полу взглядом не напоминали мне о моей внешности. За что я ей благодарна и по сей день. Так вот, почему я начала свой рассказ именно с детства, тот роковой случай, изменивший меня до крайности, изменил и мою судьбу. Предстояла скорая свадьба старшего брата.

Родители суетились, приезжало много гостей, всем было некогда и мне говорить о своих планах, было не к месту. Я стала выжидать удобного момента, чтобы просить разрешения родителей учиться в городе.»

... – Марыч! – Марат резко отвел глаза от письма и глянул через стекло забрызганное водоэмульсией. Игорь, указывал на что-то, – здесь я все исправил! Пойду на кухне гляну!

Марат кивнул ему и показал большой палец вверх, потом повернулся обратно, но не стал продолжать читать, а посмотрел вдаль. Порыв ветра овеял его лицо, а внизу, едва пробегаешь по макушкам деревьев, смахнул пожухлые листья. Нет, еще не становилось холодно, еще не остыла земля от летнего тепла.

Марат помнил, как во дворе интерната, было много старых, могучих тополей. Осенью они роняли разлапистые желтые листья на землю. На перемене, с одноклассниками, он выскакивал на улицу, чтобы сгрести в кучу опавшую листву, а после, вскарабкавшись на дерево, всем вместе прыгнуть в эту кучу. Марат вздохнул, подчиняясь воспоминаниям, которых не очень любил, пусть даже они в детстве, приносили ему радость и настроение. Детство на то и дано, что бы даже в осиротевшей душе, было место наивного счастья.

А серые стены интерната, запах перлового супа, навсегда въелись в его память. Детдомовцы насколько ненавидели, настолько и дорожили пережитыми детскими годами. Марат потер шею, так будто она затекла.

Что если эта женщина, действительно будет умолять о встрече? Нет! Это не укладывалось в голове. Ему не пятнадцать и даже не двадцать лет. Он так привык к тому, что всегда был один и во всем полагался на себя. Зная, что никто его не приласкает, не утешит и не поддержит в трудную минуту. Он так свыкся с мыслью, что его рождение и жизнь не были собственно говоря, запланированы. Желанных детей не бросают... Он давно заставил себя никогда, ни при каких условиях, не думать о тех, кто подарил ему жизнь и вместе с тем, сиротское существование. И вдруг все это сложенное годами, отодвинуть ради встречи этой женщиной?

Невольно он мотнул головой, отгоняя ненужные мысли, елозившие, словно влажные дождевые черви, глянул на строчки из письма и нахмурил брови.

Все равно неприятное чувство, щекотавшее где-то в груди, не давало покоя. Будто кто-то специально царапал острым предметом по стеклу от звука, которого что-то внутри сжималось, и даже появлялась оскомина во рту.

В голову не умещались прочтенные строки из письма. Что же могло произойти с этой женщиной? Может она влюбилась, как это случается в юном возрасте? Сколько ей может быть сейчас предположительно, лет пятьдесят? Что же она вдруг вспомнила, что где-то есть сын, которого бы увидеть, что бы убедиться, что он вырос самостоятельно и ни в чем не нуждается? Успокоить совесть?

Марат схватил рукой голову и потрепал волосы, разгоняя идиотские мысли.

Он сложил письмо, засунул его в карман и глубоко выдохнул. Все равно мерзкое чувство поселившееся в душе, не оставляло в покое. Как проснувшаяся среди зимы муха, прилипчиво жужжа над ухом!

Сейчас надо приступать к работе.

Все равно это письмо ничего ему не даст и ничего не изменит. Он сформировавшийся мужчина, который может и не достиг финансовых вершин, не имеет высшего образования, зато он зарабатывает честно, даже смог купить малосемейную квартиру. Одним словом маме есть чем гордиться, даже если она об этом не узнает никогда. А эта девочка, что принесла письмо, вполне может быть еще один ее ребенок от любимого мужчины в счастливом браке. Не зря же она так пеклась, чтобы Марат прочел письмо. Значит, девушка появится опять и он уже сможет хоть что-то узнать больше этого письма, если конечно захочет...

Марат вытащил рабочие перчатки из кармана, закрыл за собой балконную дверь и зашагал в соседнюю комнату.

Снова в памяти всплыло милое личико девушки. Ее выражение лица, как она искренне улыбалась, а потом стала хмурить тонкие темные брови. Милая, конечно. Возможно, она похожа на свою мать, ну если сестра, то на их общую мать. Но как-то представить шрамы от ожога на таком личике было трудно. Может из-за внешности кто-то надругался над матерью? Это было бы крайне неприятно знать, что ты плод насилия. Но и логическое объяснение, почему он стал нежеланным ребенком для нее... А девушка придет, почему-то Марат был в этом уверен. Она обязательно еще появится, потому что должна передать ответ. Ведь так?

Он прошел мимо ванны, где Паша, второй рабочий, уже крепил зеркало к кафельной стене. В отражении мелькнуло смуглое, с едва пробивающийся щетиной, лицо. Его, лицо Марата. Светлые волосы, карие глаза и сомкнутый рот, от чего по углам образовались полоски морщин.

Сходства конечно с незнакомкой никакого, но это и понятно, он случайное дитя...

Глава 3

Дневная погода к вечеру резко сменилась на морозящий, едва заметный дождь. В воздухе было влажно и на светлеющем пятне от фонаря виднелись те не зримые глазу, скорей не капли, а пылинки, небесной влаги. Темнота сгустилась особенно по закоулкам, вдоль домов и среди еще зеленых кустов акаций, аккуратно подстриженных в один ряд вдоль паркового ограждения. Было легко дышать, после дневного загазованного воздуха особенно на центральных улицах города. Марат шел медленно, подняв воротник куртки и сложив руки в карманы. Ему не хотелось идти домой. Туда, где его ожидал горячий душ, пюре быстрого приготовления, из микроволновой печи пока он будет мыться, и чай в пузатом блестящем чайнике, который протяжно и жалобно оповестит о своем закипании тонким свистом. Хотелось воздуха. Будто жара испепеляла изнутри. Будто что-то жгло его, а ран и ожогов не было видно, но больно было, так как будто его выжгло до самой кости. А больше всего хотелось идти и не о чем не думать, только так все равно не получалось. Что-то внутри давило и рвало на части. Что-то вьевшееся, скребло на дне сердца. Да, нет! Это осенняя хандра! Работа, идущая наперекос и не укладывающаяся в сроки!

Марат перешел на другую сторону улицы и медленно побрел дальше. Что за чушь! Хандра, работа?! На работе он все уладит, пару дней и они закончат объект. Хандра, что за бабские мысли?! Марат мотнул головой.

Знал, конечно, знал, что что-то произошло. Что-то вдруг всколыхнуло его обыденность. Что-то ворвалось внезапно в его мысли и жизнь, и теперь крепко сидит там, в душе.

И причина тому нелепая весточка, «письмецо в конверте» или послание из прошлого, правда, которой под таким сомнением, что местами ее можно сравнить с какой-нибудь мыльной оперой по телевизору, уже на сто пятьдесят второй серии.

И что, все это вдруг станет нарушать им устроенный собственный мир?! Нет уж! Все прошло в тот момент, когда его передали в дом малютки! И чтобы там ни было с этой дамой-мамой, он не причем! Настолько не причем, что будет жить дальше, как и жил!

Марат закурил сигарету, выпуская смачный клубок дыма в темный воздух улицы. Огляделся по сторонам, словно боясь, что его застигнут за неким ужасным преступлением, залез в карман брюк и одним движением, комкая на ходу бумагу, кинул ее ровно в урну, позволяя черной и грязной по краям ёмкости, проглотить единственную возможность узнать о себе, о том, что же заставило все таки мать отказаться от сына. Бумага глухо ударилась о железную стену урны и затихла внезапно на самом дне среди кучи другого ссора и хлама. Он зашагал вперед, так же засунув руки в карманы и зажимая сигарету в зубах, избавившись от мучавшего совесть вопроса, кто он...

Мимо неслись машины. Он любил железные игрушки для больших мальчиков. Хотя у самого была ауди восьмидесятой модели. Немного потрепанная, но еще на ходу, ухоженная, как стареющая, но все же дорогая подруга жизни. Хорошо, что ее он оставил на стоянке, сейчас нет никакого сосредоточия для управления транспортом. Он шел, чуть сгорбившись, паровоза на ходу красный мальборо. Дым вылетал протяжно длинно, как будто из трубы локомотива, цепляясь за ворот влажной куртки и безнадежно тая в темноте вечерней улицы. Марат не обращал внимания на прохожих. В темное время суток, освещенные тусклым уличным светом, они походили на мелькающие тени, только слышно было цоканье каблучков, монотонная речь парочек и шуршание плащевок.

Он почти дошел до своего дома, видел, как загорелось окно соседа сверху, вечно недовольного старика, бурчащего по каждому поводу. Видел свое темнеющее окно квартиры, ожидающее возвращения хозяина, словно верный пес. Но с каждым шагом замедляясь, Марат и вовсе остановился. Он выдохнул недовольно, так, словно кто-то заставил его замереть

на месте. Дождя действительно не было видно, а куртка стала влажной и волосы тоже. Фонарь в проходе между домов не горел, его, будто специально разбивали, после того, как кто-то заботливого и старательно вкручивал лампочку. Туда даже железный колпак нацепили, чтобы хоть как-то защитить от хулиганов и сейчас опять темнота поглотила это место. Марат сделал нерешительный шаг вперед. Кто-то со стороны подумал бы, что он остерегается темного места, он даже резко развернулся назад и вдруг, быстрым шагом пошел в обратную дорогу.

Его глаза были опущены вниз, практически к самому асфальту, но только с одной стороны, на другую он будто и не делал никакого акцента. Он внимательно, едва оборачиваясь, возвращаясь взглядом на что-то, разглядывал интересующий предмет. Нет, не то! Где же это было? Марат тщетно пытался воссоздать в памяти то, что было минут пять или чуть больше назад. Вспомнить, как он шел в эту сторону, потом остановился здесь или нет, не здесь, прошел чуть дальше... конечно! Тут он закурил, развернулся, точно, нет сомнений! Марат вдруг остановился, нахмурил брови, приглядываясь вперед. Нет! Только не это! Неожиданно, ошарашивая прохожих, рассыпающихся по сторонам, рванул вперед.

Он внезапно подскочил к какому-то пьянице, или бродяге, который копошился в вываленной куче мусора прямо на асфальт, оттолкнул его резко, что тот едва удержался на ногах, бранно возмущаясь, будто покусились на его собственность. Марат не обратил внимание на это, и на то, что люди останавливаются, ища объяснение неадекватным действиям приличного с виду мужчины.

Да черт с ними! Это была та самая урна! Даже сердце стало отстукивать барабанную дробь. Марат увидел скомканную бумагу, изрядно потрепанную и грязную среди другой ненужной кучи мусора, схватил ее и как-то даже не свойственно для себя, бережено сложив, убрал в карман. Только сейчас он огляделся по сторонам, видя перед собой бомжа. Марат обтряхнул ладони и еще раз взглянул на стоящего перед ним человека, который на всякий случай отстранился назад, не зная чего ждать.

– Извини, мужик, – смягчаясь в выражении лица, сказал Марат, вытащил из кармана начатую пачку сигарет и протянул ее опешившему бедолаге, – держи!

Тот не поверил, секунду другую не решительно хлопая хмельными глазами на щедрую руку странного человека, но тут же сообразив, мол дают бери, жадно схватил пачку и утопил ее вместе с рукой в огромном, бесформенном кармане не то пальто, не то из плотной ткани халата.

Марат улыбнулся едва заметно уголком рта на эту выходку и спокойно зашагал в сторону дома.

Он выдохнул, чувствуя, как пройденный день, навалившийся на плечи ни сколько грузом, сколько эмоциональным напряжением, сошел после горячего душа, принося облегчение. Марат собрал вещи с пола, проверил карманы, вытряхнув содержимое на стол, и закинул белье в стиральную машинку.

Есть не хотелось, он включил телевизор, скорей по привычке, нежели чтобы намеренно просмотреть каналы, принес горячий сладкий чай и сел на диван.

Сделав глоток напитка, он поставил бокал на стол и бросил взгляд на сложенный лист бумаги.

Как бы там ни было, он не имел права так поступать с исповедью женщины подарившей ему жизнь. Это был порыв, раздражение на внезапные известия о его существовании. Он погорячился. Столько лет, он привык думать и знать, что сирота, что его отдали в детдом, что он отказник и вдруг его мать решила опомниться и втиснуть свою правду в его жизнь. Это было, по меньшей мере, нелепо, грубо, как инородное тело под кожу. Так было несуразно не правильно, странно...

Марат развернул лист, пригладил мятые уголки, только сейчас, при свете комнаты заметив грязный след от подошвы прямо на письме. Это как-то неприятно, даже в какой-то степени ревниво задело Марата. Он покарябал ногтем, но грязь въелась в бумагу насквозь, оставляя отпечаток чьей-то обуви.

Он придвинул письмо ближе, так чтобы было удобно читать и видеть четко, пробежался по строчкам, отыскивая то место, где остановился, как вдруг резкий звонок в дверь заставил его поднять голову в сторону прихожей, потом на настенные часы в комнате. Почти десять вечера, кто бы это мог быть?

Он поднялся, складывая письмо и пряча его в выдвижной ящик комода. Марат заметил, что ходит в полотенце, обернутом вокруг бедер. Он сорвал его на ходу, надел на голое тело спортивные штаны и такую же кофту.

Не спрашивая, распахнул дверь и удивленно глянул на женщину.

– Привет! Впустишь?

Марат равнодушно пожал плечами и отошел в сторону. Цокая тонкими шпильками, в квартиру вошла Рита, скинув с плеч заранее расстегнутое пальто, небрежно кинула его на тумбочку в прихожей.

– Что это ты вдруг, вспомнила обо мне? – Марат закрыл дверь и глянул на нее. Как всегда шикарная и вкусная. Его даже передернуло как-то изнутри, от чего по телу пробежались мелкие мурашки. Яркий макияж, еще больше выделял ее ухоженное лицо. Всегда грациозна не по годам и восхитительна.

Та улыбнулась широко, ярко накрашенными губами, будто угадывая мысли мужчины через блуждающий взгляд по ее телу.

– Соскучилась....

– Чай будешь? – предложил Марат несколько из вежливости, сколько от того, чтобы не дать поздней гостье сказать запланированные слова и не выслушав ответ, он направился на кухню.

С Ритой были давние и весьма странные отношения. В последнюю встречу это стало причиной крупной ссоры, из-за чего она ушла и почти три недели не давала о себе знать.

– А я тебя недавно видела на улице, – сказала та, входя на кухню следом за Маратом, – ты или не услышал...

– Или не услышал, – резко перебил ее Марат, – торопился, наверное.

Он достал бокал с сушилки, плеснул в него заварки и сверху кипятка. Вспениваясь и клубясь дымящимся паром, посуда наполнилась ароматным напитком. Марат придвинул бокал к Рите, а следом приблизил вазочку с сахаром.

– Спасибо, – улыбнулась женщина и села на табурет.

Ее улыбка съехала вниз, когда Марат бесцеремонно вышел из кухни в комнату, сел на диван, и преспокойно стал пить чай.

– Ты как всегда, сама любезность, – произнесла Рита громко, встала, прошла в зал и села рядом с ним.

– Хочешь поговорить обо мне? Мне кажется, мы все уже выяснили...

Рита забрала из рук бокал Марата.

– Ну, хватит тебе, – она приблизилась, – я же вижу, что и ты соскучился....

Она коснулась, буквально топя его рот в своих сладко охватывающих губах. Знакомый запах духов и сигарет с шоколадным ароматом пахнул в лицо Марату. Ее волосы упали на его шею, приятно щекоча кожу. Он закрыл глаза, пытаясь изобразить равнодушие и боясь собственного искушения ответить на поцелуй Риты.

Она вскружила ему голову четыре года назад точно так же, как это делала сейчас, находясь так близко, будоража его мужское самолюбие, дразня теплотой тела.

Марат, не выдержав напора собственного прилива желаний, отстранил Риту от себя.

– Ты пришла поговорить? Так говори! Я сильно устал и хочу лечь спать, – он морщился не от нее, а от того, что приходилось прятать свои эмоции, как душевные, так и физические.

– Я тоже устала, – тихо произнесла Рита, – от того, что каждый день пыталась забыть тебя, но не смогла этого сделать... я тоже хочу лечь спать, только рядом с тобой...

Ее губы снова обьяли его, блуждая кончиком языка, словно маленькая хитрая змейка, проскальзывая в рот.

Он помнил их первую встречу. Это было в кафе, тихое местечко в укромном уголке города. Там где можно было спокойно посидеть, а летом выпить кружку пива прямо на террасе. Он что-то отмечал с друзьями, а она сидела за высоким стулом возле барной стойки. На полуvinу развернутая в зал, так что четко просматривался ее профиль, Рита скучно смотрела пустым взглядом куда-то, поглаживала тонкими пальчиками объемистые бока фужера, иногда поворачивая его в разные стороны. Янтарного цвета коньячный напиток, беспокойно повторял движение круговорота, возмущенно выплескивая капельки к самому краю, но, не достигая его.

Она иногда вздыхала, при этом, не забывая пригубливать тонкую дамскую сигарету.

Что-то в ней было, невообразимое и притягательное. Что-то, что заставило Марата встать и подойти к ней.

Она не сразу заметила пристально смотрящего на нее мужчину. Да и вид его уже довольно хмельной, ее не впечатлил.

– Хочешь меня? – не отрываясь от своей игры с фужером, произнесла Рита.

Марат даже сглотнул слюну от неожиданного вопроса, но тут же пришел в себя.

– Как только увидел.

С тех пор, сходя с ума, они и желали друг друга, пока через два года безумных встреч, Марат не узнал, что Рита, сожительница местного толстосума, который обеспечивает ее с юного возраста, и она ему чем-то там обязана.

Конечно, самолюбие Марата было не просто задето, но растоптано. Но Рита уйти не могла. Еще два года немного сокращенных по количеству встреч несли уже некую незримую грань, будто кто-то третий все время заглядывал в их постель. А недавно, когда Марат сделал ей предложение, Рита вдруг отказалась.

Он не хотел, не мог ее делить с другим. Ему было мерзко и больно, когда она уходила утром, и он точно знал к кому.

Он не мог смириться с этим бредом от чего твердо решил, может как всегда самостоятельно, твердо и уверенно, что Рита должна стать его женой, родить ребенка и жить нормальной семейной жизнью.

Марат помнил, как однажды, Рита пришла к нему в слезах. Он не любил женские слезы, потому что не мог выдерживать их. Ему казалось, что если женщина плачет, значит, ей очень больно в физическом понимании. А Рита пришла и долго плакала на его плече, рассказывая, как несчастна рядом с человеком, которому нужна ради развлечений и сексуальных игр. Что она хочет быть рядом с любимым.

Ее слезы стекали на тыльную сторону его ладони, и он морщился, будто влага из глаз Риты, причиняла ему нестерпимую боль.

А тут, когда он сделал ей предложение, она вдруг внезапно, изменилась в лице и сообщила, что слишком привыкла к той жизни и не может сразу все и кардинально поменять.

Но ее запах, ее дразнящие манеры прелюдии, делали Марата безвольным. Он мучительно застонал, отдаваясь во власть своей безумной, изголодавшейся страсти.

Глава 4

Электронные часы мигали зелеными цифрами пять двадцать утра. Тюль небрежно скомканная в кучу, словно юбка кокетки, на одну сторону окна, оголяла другую, откуда едва просвечивался тусклый свет фонарей. На улице еще стоял ленивый ночной сумрак, окутавший опустевшие перекрестки ожиданием горячих шин автомобилей шлифующих серые спины асфальта. Длинные, с белыми дорожными пометками, они убегали куда-то вдаль.

Елозя между ветвями, ветер лениво тянулся вверх, не желая прерывать свой сонный штиль. Только листья, как старики, отжившие осенний век, беспокойно ворчали на него, шепотом, зная прекрасно, что нрав ветра таков, что в один миг стоит ему разойтись, чтобы сократить без того короткое существование кроны.

Рита пошевелилась, вздохнула своему сладкому сну, причмокнув губами, а потом откинула руку на подушку, оголив из-под одеяла небольшую, упругую грудь.

Умела она, даже спать так, чтобы желание начинало стучать в сердце, потом проливаться в кровь, барабана там до раздражения ниже пояса.

Марат поднялся как можно тихо и босой зашлепал в сторону кухни. Спать совсем не хотелось. Трехнедельное усмирение мужественного воздержания, отомстили, лишив окончательно сна.

Он прикрыл дверь и закурил сигарету. Дым медленно, словно ленивая кошка после сна, растянулся колесом над головой Марата, скользнул куда-то в угол и растворился в его темноте. Он приоткрыл окно, вдыхая смешанный воздух с никотином.

А может монашеское существование не причем? Ведь до Риты ему и того больше приходилось сдерживать свои порывы молодой и горячей крови.

Он думал о письме. Это назойливое наваждение, прилипшее к его сознанию, как подтаявший пластилин.

Марат выглянул из кухни, убедился, что Рита спит, положил на край консервной банки тлеющую сигарету и сам прошел в зал.

В потемках, нащупал ящик комода и достал сложенные листы бумаги.

Потом, стараясь не шуметь, вернулся в кухню, положил ценные сведения на подоконник и снова взялся за сигарету.

Щекоча ноздри, обволакивая горло и легкие, дым вальяжно расположился внутри теплотой с горчинкой. Только задумчивое выдыхание заставило этот дым выплеснуться наружу, заслоняя блестящее на фоне улицы стекло своей пеленой.

Марат опустил на табуретку и развернул лист.

«Это было действительно грандиозное празднование! Мы все, кто поехал на встречу с будущими сватами, были ошарашены размахом гостеприимства со стороны родственников невесты.

Родители ее были сдержанные, даже мне показались немного высокомерными. Чувствовалось, как конфузились мои родители, все время жались от неловкости, прикрываясь улыбками и кивками. Я будто сама попала в их шкуры, так было неудобно от всего этого приема. Мне даже показалось, что родственники невесты ехидничали между собой, когда наша сторона стала раздавать подарки сватам и почетным гостям. Они кивали головами, перешептывались и очень редко одобрительно восклицали, подчеркивая более-менее ценный, по их мнению, подарок. Мне было неудобно среди будущих родственников. Так хотелось быстрее покинуть их дом, но веселье только начиналось. После первого стола, гости вывалили на террасу. Я скромно стояла в сторонке, наблюдая, наблюдая за гостями. Сестра Лейла с первого знакомства нашла общий язык и с невестой брата и с ее подружками.

Я же продолжала прятаться в уголке.»

Марат нажал кнопку электрического чайника и тот, бубня недовольно булькающими фразами, стал потихоньку нагреваться. Прохладный воздух с улицы в мгновение вытянул запах дыма. Марат прикрыл окно и удобней развернулся к столу.

«Кто-то позвал меня так неожиданно, что я даже не успела растеряться.»

1970 год

... – Я заметил, ты все время стоишь здесь одна, почему?

Свет от фонарей хорошо освещал самый центр двора, только Дария никак не могла понять, ей ли вообще был адресован вопрос.

Дария прищурилась невольно и поймала силуэт стоящего поодаль мужчины, который смотрел на нее, и уже не сомневалась, что он обращается именно к ней.

– Наверное, потому что я не общительная, – пролепетала она невнятно.

– Думаю, потому что ты очень скромная, – проговорил незнакомец, улыбнулся и сделал едва заметный шаг вперед.

Дария опустила низко голову, стыдясь этих слов от незнакомого человека, который видимо был один из родственников стороны невесты. Дария хотела отвернуться, будто занята чем-то, но следующий вопрос догнал ее новым конфузом.

– Скромность украшает девушку, а тебя по-особенному...

От слепящего глаза фонаря, Дария не видела его лица, только силуэт. Она не могла сдвинуться с места от накатившего непонятно по какой причине стыда. Это сковало ее. В надежде найти защиту, она стала озираться по сторонам, инстинктивно отыскивая глазами родных, но никого не было видно в хаосе смешанных лиц, всплескивающих рук и стоящего гула из смеха, восклицаний и музыки, которая отдавалась не только в ушах, но и где-то в груди, смешавшись с ее сердцебиением. Это был мужчина старшего возраста, не сильно плотный и выше ее отца на целую голову. Дария занервничала, не зная о чем можно говорить с этим человеком, если вдруг он все-таки подойдет. Может, ему будет интересно знать о ее семье или чем занимается брат. Может, он, тоже увидев ее вблизи, не сумеет скрыть своего удивления и брезгливого сочувствия? Дария напряженно следила за этим человеком, чувствуя, что-то холодное в сердце, будто внутренний голос, только которого она услышать никак не могла. Мужчина вытер шею носовым платком и внимательно посмотрел на Дарию и отошел к другим гостям...

2012 год

«Вскоре я забыла об этом моменте, потому что волнение от предстоящего разговора с родителями, о моей учебе, не оставляло меня в покое. Я была настроена решительно получить образование и точка...»

Чайник издал протяжный звук, оповещая, что готов, пыхнул горячим паром из отверстия в носике и самостоятельно отключился.

Марат достал кружку, всыпал растворимый кофе и залил смесь кипятком.

Не осознавая, что сделал быстрее, то ли поднял голову на скрип открывающейся двери, то ли сгреб письмо под стол, пытаясь его сложить и сделать не заметным, но в кухню вошла сонная Рита, кисло улыбаясь.

– Ты чего не спишь?

– Решил опередить рассвет, – уронил в ответ утренний юморок Марат, – кофе будешь?

– Буду...

Рита опустила на стул и не стесняясь наготы согнула ногу в колене, поставив пятку на край стула.

Не каждая бы женщина проделала бы этот трюк, демонстрируя не только прекрасную фигуру, но и свою откровенность. Марат напряженно отвел взгляд и затушил свою фантазию глотком горячего кофе.

– Может, исповедуешься, от чего страдаешь бессонницей? – машинально размешивая кофе ложечкой, спросила Рита.

Марат пожал плечами, сел напротив нее и, сделав большой глоток, оттянул время ответа.

– Может за время моего отсутствия влюбился? – ухмыльнулась Рита, скорей всего напыщенно, боясь, как и любая женщина быть отвергнутой и уже не нужной.

– Ага, – перекинув ногу на ногу, хмыкнул Марат, – ты еще спать будешь или в душ?

– Смотря, что ты имеешь в виду...

Он аккуратно убрал кружки на рабочий стол, буквально сорвал Риту с места и усадил ее прямо на стол.

Та взвизгнула и беспокойно заерзала.

– Что такое? – не понял Марат.

– Горячо! – возмутилась женщина, – здесь же стояла кружка...

Он широко улыбнулся и жадно обхватил ее губы своим ртом.

Глава 5

– О! Королева Марго у плиты! – воскликнул Марат откровенно удивленный, как Рита, накинув его рубашку, суетится на кухне в приготовлении завтрака, – ты готовишься к счастливой семейной жизни? – уронил последнюю фразу Марата и напрягся.

От этого вопроса возникла неприятная пауза. Скорее, от не остывшего в памяти, недавнего раздора. Они переглянулись, но Рита ничего не ответила, да и Марат не повторился, задев не только свои болезненные нотки, но и Риты.

Он сел за стол и склонился над тарелкой.

– Вроде как съедобно, на вид. Надеюсь, мне не придется целый день потратить в поисках волшебного домика с отверстием в полу?

Рита вспыхнула, усмирив его строгим взглядом.

– Я начинаю тебя бояться, – демонстрируя страх, произнес Марат, вжал голову в плечи, – тебе только сковороды не хватает в руку вложить.

– Тебе не обязательно растворять серной кислотой сарказма это прекрасное утро, – Рита кинула прихватку на стол и села напротив Марата, – я, между прочим, старалась.

– Я вижу, как ваши утренние старания, чуть не затмили ночное воплощение желаний, – ответил он и заглянул Рите в лицо, – может, ты взрослеешь?

– Хотел сказать старею? – Рита обидчиво отвела взгляд от Марата, – ты всегда ко мне так добр... хоть бы сделал вид, что тебе хорошо. Я пришла, накаламбурив с три короба вранья, чтобы сбежать к тебе, а ты...

– Думаю, ты сама поставила наши отношения именно в этом ракурсе, – Марат откинулся назад и прислонился затылком к стене.

Рита приподняла невольно бровь на это заявление. Повернулась к Марату, так чтобы смотреть прямо в лицо, и сузила глаза.

– Ты хочешь сказать, что во всех бедах виновата я?!

– Не начинай, – спокойно произнес Марат.

– Нет, раз уж начал ты...

– Ты теоретически и физически не можешь быть виновата во всех бедах, – ответил Марат, не смотря в ее сторону, пытаясь хоть как-то разрядить накаляющуюся обстановку, – ты же не виновата в том, что я не могу закончить во время объект, да? А то, что с утра была хорошая погода и вдруг к вечеру, стало так мерзко и сыро, ты же не виновата?! А что говорить о том, что твориться в мире...

– Хватит! – закричала Рита, хлопнув ладонью по столу, – твой юмор не уместен! Ты знаешь прекрасно, что я не могу все поменять, так как тебе этого хочется! Я не могу все бросить и прийти с чемоданом к тебе, чтобы стирать, шить и стоять у плиты целыми днями! Я не готова к этому! Неужели нельзя просто жить, радуясь каждой встрече?! Ты вечно, вечно все усложняешь!

Марат отстранился от стены, отставил в сторону остывающий омлет с яркими загогулинами из кетчупа и поставил банку-пепельницу на ее место. Рита насупилась, но виновато глянула исподлобья, понимая, что всплила и зря. Марат закурил сигарету и громко выдохнул дым, смешивая приятный запах еды с густым запахом никотина.

– Ты еще не решила, что этот стол будет и твоим тоже. Поэтому не стучи по нему, хорошо?

Он сделал еще одну смачную затяжку, потянулся к окну и приоткрыл его впуская утреннюю прохладу.

– А то, что ты сказала, будто мне хочется, – он стряхнул пепел в банку и снова поднес сигарету ко рту, втягиваясь и зажмуривая один глаз, чтобы не резал дым, – мне действительно хочется, только до нашей милой беседы, я считал, что и тебе хочется того же, но, как я понял

только что, сильно ошибся. Тебе трудно будет расстаться с той роскошью, за которую ты указала цену...

Рита подняла голову и глянула на Марата.

– Потому что ты не дашь и половину того, что у меня есть сейчас!

– Да, – спокойно ответил он, – ты права.

– Но тебе ведь нравится получать объедки с барского стола? – ехидно прищурился, выпалила Рита, кривя при этом некрасиво рот.

– Ты имеешь в виду себя, говоря об объедках? – затушив окурок, произнес Марат.

Не ожидая такой реакции, Марат только успел пригнуться, когда в его сторону полетела тарелка, а следом наскочила Рита и попыталась ударить его по лицу. Схватив ее больно за запястье, Марат грубо развернул ее и усадил на стул. Рита замахала свободной рукой, все еще кипя от гнева. Рубашка на ней расстегнулась, оголив грудь.

Марат встряхнул ее за плечи.

– Все! Слышишь? Угомонись!

Рита дернулась вперед и вдруг, что-то выпало из кармана рубашки упав на пол. Марат только в мгновение успел уловить что-то знакомое, как Рита в вдруг наклонившись, схватила листы и зажала крепко в руках.

На щеках Марата нервно заиграли желваки. Он посмотрел на Риту и медленно, пытаясь сдерживать свои эмоции, выдохнул через нос.

– Положи это назад, – практически по слогам произнес Марат, чувствуя, как начинает лихорадочно пульсировать висок.

– Положу, если расскажешь, – хитро заявила Рита и подразнила письмом перед носом Марата, скомканным в кулаке.

– Не вынуждай меня... на грубость...

– А ты по-другому и не умеешь!

– Рита, не стоит доводить все до абсурда, – процедил он, – просто положи письмо.

– Скажи, если тебе так дорого это послание, от кого оно? Тайная любовь?

Рита развернула к себе смятую сторону и прочитала:

– Мой дорогой и единственный...

Марат попытался выхватить листы, но Рита увернулась.

– Да-ри-я, – прочитала она с другой стороны, – так ее зовут Дария?!

– Что тебе надо? – спросил Марат, понимая, что это не более чем женская истерика, отравленная ревностью. Он успокоил свой гнев и тихо сказал, – это тебя не касается, Рита. Ты не успела прочитать, а так бы не несла этот бред. Но будь другая ситуация, я конечно бы поделился с тобой содержанием этого письма, но теперь, не считаю нужным это делать. Верни мне его и не будем усложнять то, что и без того стало невыносимым.

– Ты грубая, хамская скотина!

– Возможно...

Рита соскочила с табурета, толкнула Марат в сторону и прошла к порогу кухни.

– Я бы никогда не согласилась даже просто жить с тобой, а тем более рожать детей от подкидыша!

Она хотела выйти из кухни, но вдруг передумала, развернулась к Марату лицом, вытянула руки и мгновенным движением разорвала листы на несколько частей, демонстративно вскинув руки вверх, от чего кусочки закружились в воздухе и опустились на пол в хаотичном рисунке.

Марат поморщился, будто ощутимый разряд тока прошелся по его жилам. Он не слышал, как Рита быстро оделась и, хлопнув дверью, ушла.

Как всегда яркая, она и уходила от него, словно смешанные воедино четыре стихии. Врывалась словно буйствующее торнадо, сметая его разум до крайности и уходила, выжигая все, даже нежность.

Марат опустился на колени.

Рита. Чертова истеричка.

Он глянул на жалкие остатки письма. Шумно выдохнул накопившийся гнев, невольно выискивая глазами аккуратные буквы из мятой строки.

Может быть, Рита сумеет остановиться сама? Может ее гордость не позволит вернуться к нему опять, хотя о чем он. Сколько раз между ними было скандалов, но всегда она возвращалась, и Марат ее ждал, терпеливо, иногда до волчьей тоски, но ждал. Но этот сомкнутый безумный круг рано или поздно нужно разорвать. Нужно было поставить жирную точку, и сейчас это был бы хороший повод решиться...

Марату, конечно, нравились внезапные, загадочные визиты Риты. Ее манера кружить голову по поводу и без. Она взбалмошная, как подросток и безумно притягательна, как опытная женщина. Единственное чего Марат не любил, если Рита пыталась делать ему подарки. Эта было табу с тех пор, как они первый раз повздорили. Было не важно, что она старше его на несколько лет. Рита страстная женщина, но возможно не для семьи, словно кошка, только прибившаяся к хозяину, который вкусно ее кормит. Он не сразу это понял, не сразу осознал, что Рита не станет ему женой никогда. Только чувство, идиотское чувство, нехватки семьи, заставило его сделать ей предложение, сказать, как он сильно желает, чтобы она стала хозяйкой в его доме и не скакала после бурной ночи, еще пахнувшая им, к другому, одевая самостоятельную поводок, который тот затягивал, на свой извращенный вкус.

И она права, он не сможет ей дать и половину того, что она имеет с богатым сожителем под номером один.

Марат собрал разорванные куски письма, поднялся с пола и сел на табурет.

Выложив с широких ладоней белые обрывки прошлого, он уставился на них невидящим взглядом.

Рита права, он грубая скотина и хам. Как будто ему от этой неотесанности, было легче жить. Даже не смог должно отнестись к посланию матери.

Пальцы невольно потянулись к лежащим кусочкам, сдвинули их вместе. Марат наклонил голову, пытаясь прочесть слово, получившееся вверх ногами. Он глянул на поверхность стола, где лежали перевернутые куски хлеба, посуда и тарелки с остывшим завтраком.

Встал, скинул еду в мусорное ведро, убрал хлеб и все, что стояло на столе, вытерев тряпкой столешницу.

Машинально глянул на часы. Еще полтора часа до работы. В выдвижном ящике, он нашел скотч.

«Я не смогла бы...» читал он обрывки на одной стороне, отыскивая глазами подходящий кусок. « Это был высокий мужчина...»

«Была уже середина августа, когда назначили дату свадьбы...»

Марат оторвался от строчек из письма и глянул на свое творение. Буквы стали жалкими и кривыми, изрубцованные и склеенные местами, измученные строки бесконтрольными эмоциями, разбегались перекошенными дорожками, не везде совпадая с линией, но все-таки не утратившие первоначальный смысл своего содержания.

Письмо очень сильно стало походить на него самого. Такое же в миг осиротевшее, брошенное и смятое сложившимися обстоятельствами жизни.

Он видел себя в его изломах, а больно было по-настоящему. Он теперь почему-то не верил своему первому мнению, что эта женщина ищет повод. Что-то его толкало не просто прочесть это письмо, но знать, точно знать, что он не один из многих подкидышей в этом мире, что что-то там было в этой ее судьбе, что и привело к трагическому разрешению того, что он Марат, стал сиротой.

Он видел в своем воображении, хрупкую девочку, практически подростка. Видел как она тайно, теснясь худенькой фигурой, в тень чужого двора, качает головой в такт веселой песне, которую распевали гости и притопывая ногой в скромной туфельке. Никто ее не видит сейчас и не надо. Она так привыкла быть одна. Радуюсь ли, грустно ли ей, а может, она тайно влюблена, что свойственно девочкам ее возраста. И ведь она, может любить, она имеет на это полное право, только есть преграда, черта, зазеркалье, где она для всех не такая, какой рисует себя в воображении.

Марат потер размашисто затылок, будто кровь, ее кровь этой юной мечтательницы, подарившая ему жизнь, бурлит в его жилах, беспокойно, пьяно! Он теперь знает, что в нем казахская, ее кровь!

Что же, что же ты хочешь рассказать мне? Ведь это письмо не простое. Не все матери решаться найти ребенка, чтобы исповедоваться. Он ведь мог не читать. А там же за углом выбросить его или вчера не возвращаться, чтобы поднять, принести в свой дом. Оно прошло испытание.

Марат мотнул головой от этой мысли.

Действительно прошло испытание на прочность, на верность, на выживание. Исстрадалось и вот все равно лежит перед ним, будто постаревший лик той девочки, вглядывающийся в его склоненное над ней лицо. Видит ли она схожесть черт? Есть ли они между ними или он унаследовал все от отца.

А он, отец? Она еще ничего не пишет о нем. Неужели тот, кто посмел обидеть ее?

Марат соскочил с места, сделал жадный глоток холодного кофе, глянув при этом на лежащие склеенные скотчем листы письма, будто боясь, что с теми опять что-нибудь может произойти, сел обратно за стол и нашел нужные строчки.

«Мама жутко волновалась, отец ходил нервный. Это было не просто. Ведь все хлопоты должны были взять на себя родители жениха. А я же металась в нерешительности, как бы так сказать в такую неподходящую минуту, что поеду в город, буду учиться на медсестру. Я, бывало, сидела с подружкой на лавочке возле дома и перед ней репетировала...»

1970 год

... Дария откашлялась и посмотрела на Айгуль.

– Мама, – начала она решительно, – мне нужно с тобой поговорить.

– Хорошо, Дариюша, жаным, – напыщенно ответила подруга, – садись рядом.

Девочки рассмеялись.

– Хорошо получилось, – сказала Дария.

– Все не отвлекайся, – строго приструнила ее Айгуль, – экзамены на носу!

– Ладно. Все.

Дария поправила прядь волос.

– Мама, я решила, что....

– Нет, начни с того, что я еду поступать, посмотришь, как она отреагирует, – подсказала Айгуль.

Дария кивнула.

– Знаешь, Айгуля собирается поступать в медицинское училище. Будет медсестрой.

– Скажи, что если кто заболел, сможет лечить, делать уколы, – снова подсказал подруга.

– Она будет лечить людей и если кто-то из родственников заболел, сможет делать уколы.

Ведь это хорошо, когда есть свой медик. Мама, я тоже хочу получить профессию. Родители Айгули рады ее решению и она будет жить с братом и его женой, которые станут приглядывать за ней.

– Ну, вроде получилось хорошо. А, мне надо домой идти, – сказала Айгуль, – ты давай иди и говори с мамой сегодня! Постарайся без отца. Он начнет кричать не разобравшись. Я тоже вначале с мамой провела беседу, а потом она все как нужно доложила папке. Одним словом решительно заяви, что хочешь учиться и через пару недель, поедем в город!

Попрощавшись с подругой, Дария вошла в дом. Отец еще не вернулся, братьев тоже не было дома, Лейла, еще гуляла, а младшие смотрели телевизор. Дария прошла в летнюю кухню. Мама сидела за столом что-то читала. Дария подошла к ней и тихонько обняла.

– Мам...

Та глянула на дочь и снова приковала свой взгляд к чтению.

– Я хочу поговорить с тобой, – начала Дария, – сегодня Айгуля сказала, что собирается поступать в мед училище. Хочет стать медиком. Это же так здорово, если у них будет своя медсестра, которая сможет лечить родственников. И ее родители согласны, тем более, что она будет под присмотром брата...

Мама отложила газету и внимательно посмотрела на Дарию.

Пока та не начал что-то говорить, девушка перешла в наступление.

– Я тоже хочу, тем, более зная, как часто у тебя болят пальцы от дойки коровы и папка спиной страдает. Я бы тоже смогла отучиться и лечить вас. Тем более всего четыре года, лекарства привезла бы вам. А меня бы тоже к Айгулиному брату поселили, чтобы и он за мной смотрел. Он у них строгий очень....

Мама покачала головой.

– А ты будто все решила! И с отцом не посоветовалась!

– Нет! Просто для меня это очень-очень важно. И потом...

Дария опустила голову.

– Я бы ожоги лечила, ну помогала бы тем... кто от этого пострадал...

Губы мамы задрожали и она не выдержала.

– Жаным меным, это мой грех, кызым! Я не уберегла тебя тогда от страшного несчастья!

Мама стала плакать, прижимая дочку к себе и глядя ее волосы.

– Ну, ма, ну все, не плачь....

– Моя девочка! Ты самая лучшая! Я хочу, чтобы ты была счастлива, жаним...

– Поговори с папой, мамочка. Пусть я в любимом деле буду счастлива. Я буду хорошо учиться, а может и на врача, потом поеду, отучусь. Как вы будете гордиться мной! Всем рассказывать, вот мол, наша доченька Дария Серекпаевна, врач! Уважаемый человек!

Мама зарделась от таких представлений и добро улыбнулась дочке.

– Дай немного время, кызым, отец сейчас такой нервный, что я сама боюсь лишний раз к нему подходить.

– Мне нужно будет ехать сдавать экзамен, мне нужно успеть, мама.

– Я поговорю, обязательно....

2012 год

...«*Время ожидания, это как смола, растекающаяся по стволу дерева, но когда ты торопишься, его не хватает. Прошла неделя. Я была на взводе. Не могла найти себе места. Это заметила все, кроме папы. Он рвал волосы на голове от предстоящих расходов на свадьбу старшего сына. Закончились выходные и пошла вторая неделя моих мучительных ожиданий. Айгуль уже собрала вещи, ругала меня. Однажды решила сама спросить у моей мамы, отпустят ли они меня учиться. Но та ничего не сказала..*

Тем временем, уже происходили события, повлиявшие на мою будущую жизнь...

Это был вечер, я пригнала коров, когда увидела, как чьи-то Жигули отъезжают от нашего дома. Мне стало любопытно, кто это мог быть. Может будущие родственники? Я сделала все дела во дворе и когда зашла домой, стала спрашивать маму, кто у нас был. На что она только вздохнула, но ничего не сказала.

Лейла, старшая сестра, фыркнула, как всегда недовольная моими глупыми расспросами, мол, это дядя Жанай, один из родственников стороны невесты брата.

Бывает так, что лежу, одна в комнате, нет рядом никого, и я вспоминаю годы своей юности, думаю, а что если б я была бойкой? Что если бы сказала, как подруга, что буду учиться и все тут! Нет, я не была такой, всегда робкая, не решительная. Жаль, что в своих тайных мечтах, мы не такие как на самом деле. Там, в этих несбыточных грезях, у нас совсем не тот характер, даже внешность и та, отличается от реальной. Мы бежим в эти грезы, когда нам плохо, они укрывают нас, как теплая ладонь матери, ласковое солнце после дождя, но прячась за ними, мы не решаем проблему, не исправляем ошибки, не изменяем свой быт. Плываем по течению времени, которое крадет не только молодость, но и всю жизнь, проедая ее год за годом, день за днем.

В таких своих грезях, я сбегала из дома, после того, как мама тянула с разговором с отцом. Я шла пешком, ночевала на улице, но, в конце концов, становилась не просто медсестрой, а доктором в очках и белом халате, которым непременно гордятся все! Но это были только мои юные мечты»

Глава 6

Марат откинулся назад и вздохнул. Конечно, он помнил и свои мечты тоже. Пустые кораблики воздушного счастья, мыльные пузырьки наивного сердца. Сколько раз, получая от старашаков тумачи, а потом, прячась вместе со слезами где-нибудь на чердаке, вытирая кровавый нос, он думал о том, как станет взрослым, сильным, как научится хорошо драться и обязательно, обязательно сумеет встать на ноги, чтобы никогда и ничто не напоминало ему о том, кто он. Сколько их мечтающих было тогда, до него и после. Но все как один верили, что в их жизни произошло недоразумение. Ошибка, где цыганка выкрала младенца или еще схожая душераздирающая история, только не родители наркоманы и алкоголики, не мамаша, выкинутая новорожденного в общественный туалет или мусорный контейнер. Были, конечно, и те, что действительно стали сиротами, где погибшие родители, а других родственников нет. Каждый глаза, всматривающиеся вдаль своего будущего: серые, карие, голубые или зеленые, они были разными судьбами с одинаковым существованием. А потому, маленькими надеялись, что скоро очень скоро случится чудо и родители, найдут их. Взрослея, эта ложная вера превращалась в надежду обрести семью в своей зрелой жизни, а выходя из стен интерната, реальность искажала все представления о мире. Но, не смотря на то, что мечты у казенных детей может, были и разные, только цель всегда одна. А цена ее свобода. Не все понимали этот смысл. Не все представляли, как на самом деле будут жить там, за стенами интерната. Но каждый видел хорошее, светлое и настоящее. Девчонки, конечно же думали, что найдут работу, им выдадут жилье и можно жить, так как захочется. Пацаны, рисовали другие представления о счастье. Только проработавшие не один десяток лет воспитатели знали, с практической точностью, тоскливо поглядывая на них, что ждет, пусть не каждого, но многих из этих сирых птенцов. Даже приговаривали под нос, мол, с одного режима, да в другой. И вроде не пожелание это со зла, так обычно бабушки внукам приговаривают: «не смейся много, плакать будешь», «не прыгай перед сном, не уснешь»... и ведь действительно так все и выходило. Сбывалось и с интернатскими детьми, потому что это действительно был режим. Почасовое расписание жизни с той минуты, как ты попал туда и до тех пор, пока серые стены не выплюнут полуфабрикат человека наружу, где все равно, рано или поздно привыкший к режиму, ищет его себе в защиту, как замерзший человек одеяло. Свобода она пьянит, дурманит, словно первый раз кайф, а потом ломка, жестокая ломка правды, когда содеяно что-то незаконное и уже без пяти минут новый режим, только уже тюремный. Но были и такие, кто оставался в стенах приюта в качестве уборщицы, помощника по слесарным работам. Ведь такая жизнь въедается в каждую клеточку живого существа, словно пропитанный воздух прогорклым маслом. Противно только в начале, потом принохиваешься и больше не можешь жить без другой атмосферы. Все они, как и сам Марат, насколько ненавидели, настолько и любили этот образ жизни, невольно вдавленный в их судьбы, с его инвентарными номерами на кроватях, столах, стульях, посудой в столовой, постельным бельем чистым, выглаженным, но с неизменной черной печатью. Все было на пересчете, даже паек, рассчитанный на одну казенную несовершеннолетнюю голову – яблоко одно, конфеты карамельные пара, пирог по праздникам и дням рождениям по куску. А потому эта свобода была самой дорогой мечтой, у которой была своя цена, но в основном, цена выживания.

И даже сейчас, когда Марат уже почти пятнадцать лет, как оторвал свою прилипшую душу от казенного места, получив билет свободы после совершеннолетия, замашки, привычки и даже тот самый ненавистный режим, глубоко пропитали его характер.

Он потянулся было за очередной сигаретой, но поморщился, только сейчас заметив, свою квартиру, словно после побоища.

На полу валялись осколки разбитой тарелки и крошки, в зале перевернута постель и вещи, которые Рита швырнула на пол.

Марат вытащил их шкафа пылесос.

Воспоминания о Рите слепили, словно солнце и обжигали, глубоко, как лазерный луч проделывает бороздку из сваренной ткани. Было тяжело думать о ней, так же как невозможно не вспоминать безумие, сводившее с ума их обоих. Его держало возле Риты что-то, чему название он дать не мог. Может это и есть любовь? А какая она должна быть эта любовь?

Заглушая мысли Марата, пылесос стал втягивать мусор с пола, продвигаясь по всей поверхности пола, захлебываясь мелкими осколками и частицами пищи. Как только кухня стала в надлежащем виде, Марат быстро прибрал в комнате.

Убирая постель в ящик дивана, он заметил сережку забытую Ритой. Покрутил ее в пальцах и усмехнулся. Та самая, что так часто теряется...

Марат присел на край дивана и поднял сережку чуть выше уровня глаз, разглядывая драгоценную вещь. Целых два года отношений, Рите удавалось скрывать от него, своего благодетеля. А однажды все сложилось так, как наверное и должно было случиться, с теми, кто мечется как икра. Он позвонил Рите в неподходящий момент, чтобы сказать про сережку, эту самую, что она потеряла у него дома, так же как сейчас. Рита что-то сказала невнятное и в тот самый момент, когда Марат оглянулся назад, увидел, как она переходит через дорогу с мужчиной под руку. Ему было вдвое больше чем ей, тучный, едва переставлял ноги при ходьбе.

Марату ничего не пришло в голову, как только подумать, что это кто-то по работе, потому, он буквально подскочил к Рите застав врасплох, особенно после того, как широко улыбнулся и протянул пропажу.

Мужчина был не менее обескуражен. Его наливное лицо стало пунцовым, когда он вопросительно посмотрел на Риту, в ожидании объяснения. Марат тоже остался стоять в непонимании, туго соображая, как Рита мило улыбается ему и что-то воркует, мол, спасибо вам молодой человек, что честно вернули серьгу, возможно, она обронила ее по дороге. Все получилось, красиво и убедительно. Марат автоматически ответил что-то и ретировался с места, как мальчишка, обознавшийся и покрасневший от собственного конфуза.

Марат кинул серьгу в вазочку на тумбочке. Значит это еще не конец отношениям? Значит, она еще объявится, когда килограммы сала ее спонсора, начнут перекрывать ей кислород. Тогда она вспомнит про него, Марата. Снова будет ластиться, как кошка, мурлыкать про счастье и так далее. И что же он? Снова примет ее, до очередного скандала...

Тогда Рита прилетела в тот же вечер. Устроила как раз таки такой дебош, – их первый раздор. Но он был слишком опьянен ею, одурманен, потому все решилось как всегда головокружительным безумием в постели. А потом она рассказала, что в юном возрасте стала содержанкой у этого толстосума, что он снимает ей жилье, обеспечивает, ну и конечно спит.

Марату было трудно даже представить, как это жирное существо... Ему было до тошноты противно и больно. Ревность заглушала здравый смысл. Он тоже кричал на Риту с требованием уйти от этого человека. А Рита только слушала, кивала головой и приговаривала, мол, обязательно, конечно и как только так сразу.

Не только и не сразу, Рита бежать от своей кормушки не собиралась, и этого Марат понять не хотел, сопротивлялся, и даже вот в их предпоследнее свидание, предложил выйти замуж.

Ну, а оставленная серьга означала одно – лицемерие продолжается...

Марат нахмурил брови и прислушался. Где-то дребезжал сотовый телефон на беззвучном режиме. Нашупав его под диваном, он нажал кнопку и ответил.

– Да, здорово! Забыл предупредить, я немного задержусь.. Хорошо-хорошо, проследи, чтобы на этот раз все было доведено до ума.

Марат положил телефон, приготовил кофе и бутерброды, сел за стол и придвинул письмо ближе. Глазами он пробежался по прочтенным строчкам, чтобы отыскать место, где остановился.

«Моя горячая решительность в один из вечеров, заставила меня подойти к родителям. Мама сразу догадалась, что я хочу сказать отцу, это означало, что он до сих пор ничего не знает, поэтому она делала знаки, мотая головой, мол, не сейчас. Но меня это не остановило. Я подошла ближе к папе и сходу стала сбивчиво тараторить...»

1970 год

... – Я собираюсь поехать учиться, – выдохнула из себя Дария и замерла, наблюдая, как отец медленно ставит пиалу на стол и поворачивается к ней. Он поднял глаза на дочь и уставился на нее непонимающим взглядом. Сердце Дарии готово было выпрыгнуть из груди, пальцы рук похолодели от волнения, она сделала новый вдох и выпалила порцию информации, – Айгуля тоже поступает. Она будет жить у брата и я тоже там смогу жить. Я хочу стать медсестрой, чтобы лечить больных и вас, если нужно. Приеду сюда, стану работать в медпункте. Я хорошо окончила школу, а здесь в ауле нет толковой работы...

Дария захлопала глазами, не понимая, почему папа до сих пор, просто молчит. Девушка перевела взгляд на маму, которая как-то странно, даже виновато опустила глаза в пол.

– Папа? – решительность Дарии сошла на нет, она едва смогла проглотить застрявший в горле ком.

Отец тяжело вздохнул, отвел взгляд от дочери. Он снова хотел посмотреть на нее, но будто не нашел подходящих слов и снова опустил взгляд уже на свои потемневшие от солнца, грубые руки.

– Сейчас не до этого, – пролепетала мать, видя, что пауза затягивается и может произойти конфликт, – нам нужно думать о свадьбе Бауржана. Ты и сама понимаешь это.

Мама то поглядывала недоверчиво на отца, то на стоящую перед ними дочь.

– Это невозможно, – неожиданно произнес отец, будто очнувшись от каких-то мыслей. Он поднялся со стола, сделал широкий шаг в сторону двери, будто хотел выйти, чтобы не продолжать этот разговор, а может попросту сбежать от него, но остановился, задумался над чем-то и, развернувшись к жене и дочке, сказал:

– Тебе нечего делать в городе. Выкинь этот вздор из головы.

Дария хотела открыть рот, чтобы возмутиться, но отец перебил ее:

– Это мой ответ. Твое место здесь, мать и я ломаем голову, как справиться твоему брату достойную свадьбу, а ты, забила свою голову чушью.

Он вышел из комнаты.

Дария стояла как вкопанная, она не чувствовала своего тела. Так будто ее парализовало. Но одного она понять сейчас не могла, почему отец так спокойно все это сказал? Он будто боялся кричать, что обычно происходило, а тут, он с такой тоской это произнес...

2012 год

«Я, конечно, не поняла, почему так отреагировал на мое заявление, папа. Это сейчас спустя уже столько лет, я понимаю, что заставило его говорить со мной в той интонации. Я не плакала, просто ушла на улицу и просидела до глубокой ночи во дворе. Наутро сообщила подруге, что меня не отпускают учиться. Это был такой удар, от которого я не сразу пришла в себя. Дальше все закрутилось в водовороте событий. Буквально за полтора месяца до назначенной даты свадьбы брата, приехал к нам домой гость. Мама не пускала меня в зал, где с ним разговаривал папа. Это я тоже не сразу поняла, почему так. Посчитала, что разговор там очень серьезный и никто не имел право отвлекать. Да, на самом деле разговор был не просто серьезным, а решающим, решающим судьбу человека...»

Мне удалось тайком выглянуть с окна, когда загадочный гость вышел во двор и следом провожающий его отец. Человек стоял спиной к окну, он был выше отца, который как-то странно, даже заискивающе, с едва заметным поклоном, что-то говорил гостю. Они еще несколько минут постояли и вскоре, пожав друг другу руки, распрощались.

Что-то было знакомое в этом человеке. Дальше началось сумасшествие в нашем доме. Родители часто ездили в город, закупами ткани, подарки, мелочи и все что так необходимо для проведения торжества. Договаривались с музыкантами, привезли из соседнего аула юрты, которые установили возле дома. Одним словом это было не описать. Это могло означать только одно, родители разрешили финансовую проблему. Я же ходила, как в воду опущенная, особенно, после того, как узнала, что подруга благополучно поступила в мед училище. Как же мне было обидно. Я тайно плакала, но все равно надеялась, что после всей этой суматохи, пусть на следующий год, но обязательно поеду учиться и я. И эта мысль предавала мне уверенности и сил. Постепенно, я успокоилась и тоже окунулась с головой в свадебную подготовку.»

Глава 7

«Мне купили платье. Знаешь, это было действительно такое событие, о котором нельзя не упомянуть. Понимаешь, семья, как я уже говорила, у нас была далеко не обеспеченная и покупки совершались исключительно по необходимости. Я донашивала вещи Лейлы, старшей сестры, как за мной это делала младшая Саня. А тут, платье, мое личное и главное новое!»

1970 год

... -Дария! – позвала мама, – Дария!

Она заглянула в комнату и покачала головой, видя, что до сих пор дочь крутится перед зеркалом.

– Мне нужна твоя помощь, – сказала она, – поторопись.

– Иду, мам! Я уже все, иду.

Дария поджала губы, еще раз разглядывая платье и приглаживая ткань рукой, так будто кто-то мог забрать ее сокровище. Она сложила одежду аккуратно в упаковочный пакет, надела свой домашний халат и выскочила на кухню.

– Мама, – заглянула в ей лицо Дария, которая пересматривала список покупок, – скажи, а откуда у нас столько денег?

Мама резко оторвала взгляд от листа бумаги и настороженно глянула на дочь.

– Что ты тут выпрашиваешь?! Это же свадьба нашего старшего сына и твоего брата! Как отец мог не найти средства на той! Ты все время суешь свой нос, куда не следует! Займись лучше делом, а то я начну жалеть, что выделила тебе деньги на платье!

Дария обидчиво глянула на мать.

– Разве это какой-то секрет? Просто хотела знать...

– Узнаешь, когда время придет! – оборвала ее мать.

Дария повернулась к столу и стала мыть посуду...

2012 год

«Когда я узнала всю правду, я долгое время не могла, просто не могла разговаривать с родителями. Это был такой удар для меня, очередной, грубый и не справедливый. Я молчала и даже не плакала, когда отец пытался ругать меня, да так, что в любое другое время, я бы не выдержала такого напора, обливаясь слезами. А вот мама плакала. Умоляла меня простить и понять. Но что я говорю загадками, лучше все расскажу, как было.»

Свадьба брата прошла на высшем уровне. Даже родственники невесты, были удивлены и стали уважительно обращаться к нашей семье. Через год у Бауржана родился сын. Это было очередное событие. Вскоре папа стал работать у теперь нового родственника, жены Бауржана, где был в почете. А еще через год мы стали строить новый дом. Это было предельно невообразимо! Мы столько времени жили в саманном домишке, где практически все уже разваливалось на глазах, а тут стали строить свой дом, да еще какого размаха! На тот момент мне исполнилось семнадцать лет. Дела папы пошли в гору, мама стала хорошо одеваться и мы тоже, брат работал с отцом и даже родственники, которые раньше воротили от нас нос, стали приезжать, дарить подарки и приглашать на свои мероприятия. А вот мечта моя, так и оставалась только мечтой. Я усердно учила биологию, повторяла химию, в надежде получить специальность медицинской сестры. Айгуля училась хорошо. Приезжала на каникулы. Рассказывала о городе и училище. Было видно, как она меняется. Это уже не была та застенчивая аульская девчушка, а красивая повзрослевшая студентка из города. Она и одевалась как городская и даже стала краситься. Конечно я, по девичьи, тайно завидовала ей. Мне хотелось быть похожей на подругу, но больше всего учиться как она.

А моя надежда на это таяла с каждым днем, приближая меня к неминуемому событию, которое уже изменило мою жизнь...

Отца я видела все реже и реже, новая работа отнимала много времени. Мама суетилась по хозяйству, присматривала за рабочими, которые строили дом, мы даже могли позволить семейным бюджетом нанять рабочих, а вот поговорить об училище, я не имела возможности. Я стала дружна с Бахыт, женой брата. Она ко всем была доброй и ласковой. А со мной, общалась всегда как подружка. Лейла была слишком гордой, а потому мало говорила с Бахой, все время исчезала из дома. Это потом мне Бахыт сказала, что у Лейлы есть жених и скоро она выйдет замуж.

Вскоре так оно и произошло. Снова суета, сватовство, уже в нашем доме, шикарный размах, гости, подарки.

В силу своей наивности, я считала, что наше везение это ни что иное, как то, что в дом вошла Бахыт и действительно принесла нам всем счастье, как и было значение ее имени.

Родители были опять странные со мной, будто прятали глаза, когда разговаривали. Я ничего не могла понять. Стала потихоньку интересоваться у Бахи, может она что-то знает. Но жене молчала, и тогда мне показалось, что она знает, но почему-то скрывает от меня какую-то тайну.

После того, как выдали замуж Лейлу и завершилось строительство дома, второй брат Галым поступил учиться и уехал в город, туда же часто ездили родители, как и в тот день, когда в доме за старицую осталась Бахыт.»

1972 год

...Бахыт уложила сына на тихий час и присоединилась помогать Дарие чистить картофель.

– Так не привычно, когда наших нет дома, – сказала Дария.

– Да, – согласилась Бахыт, – я уже привыкла к большой семье, сейчас даже скучно.

– А мне всегда хотелось, чтобы хоть один день побыть в тишине, – улыбнулась Дария, – а то столько шума всегда...

– Ну, это же хорошо, когда в доме много детей, весело, – сказала Бахыт и положила очередной клубень в таз с водой, – вот ты выйдешь замуж, и у тебя будет много родственников, потом детей родишь...

– Нет, – перебила ее Дария, мотая головой, – я замуж не хочу. Я поеду учиться.

– Учиться? Ты что хочешь уехать в город? – удивилась женге и внимательно посмотрела на девушку, – а мама и папа об этом знают? Что они говорят?

– Ничего, – вздохнула Дария, – они будто не слышат меня.

Бахыт задумалась на мгновение, перебирая край полотенца, а потом тихо спросила:

– А вдруг найдется человек, который захочет на тебе жениться? Вдруг ты нравишься ему, и он тебе тоже приглянется?

Дария вытерла руки и посмотрела на женге.

– Этого не будет, – твердо заявила Дария и усмехнулась, – вот ты, разве не хотела учиться после школы?

– Хотела, – как-то грустно ответила Баха, вытирая руки о полотенце.

– Ну, вот! – Дария взяла из ее рук таз с картофелем, – и я хочу, сильно. Вот моя подружка, молодец, учиться и скоро сможет работать, помогать больным. Замуж выйдет, будет знать, как обращаться с ребенком, если он заболит.

– Это хорошо, конечно, но разве ты не хочешь, чтобы тебя полюбили? Чтобы у тебя был ребенок?

Дария покрошила картошку и выложила в шипящую сковороду.

– Нет, – не оборачиваясь на женге, сказала она, – если меня кто-то и полюбит, все равно рано или поздно, будет думать о моих шрамах, что я не красивая. Потом разлюбит и бросит. Зачем же мне тогда такое счастье, пусть я лучше буду помогать людям и лечить их.

– Все это не правда, нахмурилась Бахыт, – ты красивая, пусть и шрамы есть на лице, все равно, у тебя сердце доброе и душа чистая. И тебя обязательно полюбит хороший человек, так сильно, что ему будет все равно, как ты выглядишь.

– Я все равно не хочу этого, – сказала Дария, – доброта и душевность не главные компоненты счастья, у меня есть цель и я хочу достичь ее.

Бахыт зацокала и покачала головой.

– Где это ты набралась таких словечек?

Она подошла к Дарие ближе.

– Я добрая и умная, – засмеялась девушка и обняла свою женге...

2012 год

...« Знала Бахыт, конечно, знала все. Только боялась сказать правду. Не могла, может подобрать нужных слов. Вскоре настали каникулы и Айгуль, моя подруга приехала домой. Мы, как и положено двум подругам, всю ночь проболтали с ней. Сколько нового и тайного поведала мне тогда подруга. Вот только я стала замечать, что моим родителям не нравилось ее посещение нашего дома. Да, Айгуля стала более раскрепощенной, красилась, носила вещи, которые совсем не нравились моей маме. Но та вроде, как терпела ее, хотя стала откровенно натянуто общаться с Айгуль.

Я же увлеченная мечтами и новостями из города, ничего не замечала, пока наш разговор с подругой не зашел в совсем другое русло»...

1972 год

- ...Дария протянула фото альбом Айгуль.
- Много у тебя друзей, – как-то грустно произнесла она, – наверное, меня забудешь скоро.
- Ой, – толкнула девушка своим плечом плечо Дарии, – ты моя подруга, а там это так, сегодня поучились вместе, завтра разлетелись по всей стране.
- Ты приедешь сюда, когда закончишь учебу?
- Айгуль хмыкнула.
- Что ты! Разве можно после городской жизни вернуться в эту дыру!? Нет уж, я буду искать работу там.
- Но ведь ты же хотела помогать своим здесь?!
- Это было раньше, – подруга переложила ногу на ногу. Она искоса глянула на Дарию, потом тихо добавила, – жаль, если тебя не будут отпускать в город.
- Дария резко повернулась к подруге.
- Почему это?
- Айгуль вздохнула.
- Твои родители не хотят, чтобы мы общались. Они считают, что город портит аульских девушек.
- Но это же не правда?! – заглядывая в лицо подруге, спросила Дария.
- На твоём месте я бы без раздумий сбежала, а ты вроде такая умница, но дальше носа не видишь, что происходит!
- Дария опустила голову.
- И, как ты могла так легко согласиться, – вздохнула Айгуль и закуталась в кофточку, чувствуя, вечернюю прохладу.
- Дария глянула на подругу внимательно и спросила:
- На что я согласилась?
- Айгуль хмыкнула и мотнула головой.
- Просто странно, ты же так хотела учиться...
- Ну, так я и сейчас хочу! – выпалила Дария, совершенно запутавшись в загадках подруги, – я просто не могу найти момент, чтобы решительно поговорить с родителями еще раз...
- Ты что уже отказываешься?! – перебила ее Айгуль.
- Нет! Я хочу поехать учиться больше всего на свете! Ты вон уже скоро закончишь, а я до сих пор еще не поступила!
- И что твой жених согласен? – еще больше пришла в недоумение подруга.
- На губах Дарии застыла улыбка...

Глава 8

2012 год

Марат приоткрыл окно, впуская свежий воздух. Он вздохнул и покрутил пальцами скленные листы письма. Будто смутно, но догадывался, что произошло с Дарией. Еще пока трудно было сказать, вернее, назвать ее матерью. Так странно. Он сел за стол, но снова поднялся и подошел к окну. Ему будто не хватало воздуха. Странное волнение охватило сердце. Он обернулся и глянул на стол, на пожелтевшие листы письма. Вот оно, его тайна рождения, судьба матери. Он, обычно всегда с перегибом жесткий на некоторые вещи, возможно, изрядно цинично воспринимающий чьи-то взгляды на жизнь, вдруг почувствовал, как ему дорого это послание. Как ему хочется знать все, обязательно знать все. Он чувствовал, понимал в глубине своего сердца, что это не простая история, что там, в прошлых годах произошла трагедия повлекшая за собой череду событий, где жизненная волна накрыла судьбы тех, кто, так или иначе, потонул волей злого рока, в пучине произошедшего. И он ошибался, считая эту женщину лгуньей. Невозможно придумать боль, которая читается среди строчек. Игра судьбы, исход которой был не предсказуем, привел к тому, что есть сейчас, к тому, что стало причиной, по которой он, Марат, был оторван от матери, семьи и родных. Вот только кто повлиял на это, на его мать или что-то еще произошло?

Он вернулся к столу, сел. В голове звенело тысяча вопросов. Он обхватил голову руками, опираясь локтями на стол. Потом взял себя в руки и стал читать дальше.

«Я смотрела на подругу невидящим взглядом. Она все что-то говорила и говорила. Слова до меня доходили медленно и глухо. Не знаю, сколько я тогда пробыла в оцепенении. Но потом, что-то внутри щелкнуло. Что-то встряхнуло меня. Я усадила подругу перед собой и буквально приказала рассказать все, что она знала»...

1972 год

...Айгуль захлопала ресницами, не веря, что это сейчас перед ней Дария. Та смотрела строго и прямо в глаза.

– Ну...

Подруга облизала пересохшие губы, открыла было рот, чтобы сказать, но слова застряли в горле.

Айгуль отстранилась назад и еще раз посмотрела на Дарию. Ее глаза потемнели, волосы выбились из-под ободка. Она тяжело дышала, но терпеливо ждала, когда Айгуль решится сказать главное.

Та нелепо дернула плечом, так же улыбнулась, от чего губы некрасиво скривились уголками вниз.

– Ты что ничего не знаешь? – переспросила подруга.

Дария медленно замотала головой.

– Ну, а что говорить то, ты же, ну... согласи... то есть все что я знаю...

– На что я согласилась?

– Замуж выйти, – пролепетала еще несколько минут назад бойкая подруга, растерянно озираясь куда угодно, лишь бы не встретиться взглядом с Дарией.

– Значит, я должна выйти замуж? – тихо переспросила она, туманно, будто и сама не могла понять, кто сыграл такую шутку с ней.

– Только, пожалуйста, не говори, что это я, – умоляюще прошептала Айгуль, – твоя мама хвалила Алла, что ты приглянулась одному человеку, который желает взять тебя замуж. Что ты тоже согласна, тем более он столько всего сделал для вашей семьи. Ну, ведь это не удивительно, Дария! Это ведь он устроил отца на работу и помог со свадьбой Бауржана и..

– Молчи! – вдруг выпалила Дария и закрыла уши ладонями.

Гул в ушах будто проник в голову, застучал нелепо возникшей болью, проникая холодом в кожу, от чего мурашки сковали руки неприятным ощущением.

Дария опустила на лавочку и устремив пустой взгляд вперед. Что-то прокатилась по ее сознанию, что-то невероятное, словно волна, холодная, леденящая душу волна, окатила ее так, что даже всхлип не успел вырваться наружу, застряв в сердце, словно кость у подавившегося человека, больно раздирая внутренности, не позволяя нормально дышать.

Она застыла, а вместе с ней и время, внезапно замерло всего лишь на какие-то минуты, а показалось на вечность. Только эта вечность вдруг стала разворачиваться огнем, выжигающим чувства, оставляя следы ожогов не хуже чем те, что избороздили ее лицо, и будто горстка пепла оседая на ее хрупком сердце, заставил вернуться в недавние моменты прошлого.

Все стало сходиться, будто кубик Рубика, который долгое время не удавалось правильно раскрутить, разобрать по цветам. То там, то тут не хватало нужного квадратика и вот, новость, такая простая новость разрешила то, что не складывалось в самом начале.

Дария отрешенно глянула на сидящую испуганную подругу, потом повернулась в сторону дома, заглянула в горящие окна, но уместить в своей юной голове то, что услышала только что, не могла.

Она видела, как мама суетиться по кухне, пришел Бауржан с работы, усадил сына на колени, Бахыт помогала маме, отец что-то делал возле печки и все они, ее семья, они все причастны к тайне!? Нет, для них это не тайна, это она, глупая уродливая дурочка, которую, как маленькую обвили вокруг пальца.

Айгуль что-то говорила, но Дария уже не слушала. Она решительно заскочила на крыльцо дома, распахнула дверь и словно обезумевшая влетела на кухню.

– Ма...

Ее глаза светились сумасшедшим блеском. Дария вскинула руками в немом вопросе, переводя взгляд то с матери на отца, то на брата с его женой.

– Ведь это не правда, да? Вы же не могли так, да? Вы продали меня?

Мама затряслась, вдруг почуввав, в чем причина такого состояния дочери, выронила хлеб на стол, но сказать ничего не смогла.

Видя, что мать сейчас потеряет сознание, отец подскочил к ней и закричал на Дарию.

– Ну чего ты тут устроила!

– Я?! Вы! Что сделали вы? Мама! Это же не правда?!

Губы матери задрожали и затрясся подбородок. Она знала, она хорошо знала, что этот день наступит, только как быть дальше не видела. Она умоляюще смотрела на дочь, а потом перевела взгляд на кого-то позади Дарии. Это была Айгуль. Матери не трудно было догадаться, как дочь узнала правду. Она подняла руку на стоявшую в проходе девушку, рука ее мелко затряслась и мама упала на руки отца....

2012 год

...«Тот момент для меня был как в тумане. Будто все что происходило, было не со мной. Я стояла в оцепенении и наблюдала, как мать укладывает на диван, как бежит эсенге, что-то кричит отец и брат, плачет маленький племянник. Я не видела, как ушла подруга, ее выгнали со словами, чтобы она больше не появлялась в нашем доме. А я все продолжала стоять и смотреть на эту комнату и родных сквозь туман.

У мамы случился инсульт. Ее увезли в районную больницу. А меня будто перестали замечать. Так словно я была невидимкой. А если и замечали, то с таким укором, будто это я виновата, в случившемся с мамой. Хотя, конечно, я. Ведь нужно было молчать, а не устраивать трагедии из блага, что делали родители для меня. Так мне сказал моя сестра Лейла, когда узнала о маме»

1972 год

...Лейла стукнула ладонями по столу, за которым сидела Дария, так что от неожиданности та вздрогнула.

– Если мама умрет, – процедила Лейла сквозь зубы, – я удушу тебя!

– Лучше сделай это сразу, – покорно произнесла Дария, не поднимая глаза на сестру.

– Не успела я выйти замуж, порадоваться, как ты здесь решила устроить скандал! Что голос хотела свой показать?!

– Нет, – еще тише произнесла девушка, разглядывая свои ладони.

– Родители горбаться, чтобы все мы были обеспечены, счастливы! Радоваться надо, что тебя хоть кто-то берет замуж!

Лейла так неожиданно подскочила к Дарие, что та вжала голову в шею, словно как раньше, когда была маленькой, а сестра за любую провинность могла побить ее. Сестра схватила Дарию за плечи и заставила подняться с места. Подтолкнула к зеркалу и выпалила ей:

– Ну, смотри на себя! Смотри! Принцесса! Ты должна благодарить маму и папу, что они согласились выдать тебя замуж! Он обеспеченный человек, ты будешь, как сыр в масле кататься! Он же помог со свадьбой и братьев устроил! А этот дом?! Это же все он!

Дария смотрела на свое отражение, а по щекам потекли слезы. Каждое слово Лейлы было как приговор, словно та втыкала толстые иголки ей под кожу и прокручивала их, вонзая до самого сердца. Слезы щипали лицо, а она стояла и смотрела, как сестра все высказывает ей, укоряет, обвиняет в болезни мамы. Ее лицо исказилось, стало некрасивым, будто это маска на лице Лейлы. Ее рот ходуном ходил, то растягиваясь безобразно, то выплевывая со слюнями гадости в адрес Дарии.

Она помнила себя маленькой, как сидела рядышком с сестрой и наблюдала, как та прихорашивается перед зеркалом, как примеряет сережки и заплетает волосы. Какой же она считала Лейлу красивой! Иногда, когда Лейла была в настроении, то позволяла Дарие расчесывать ее волосы, но до первого запутанного локона, после чего Дария получала взбучку и убегала прочь, чтобы там, позабыв обиды, перед своим маленьким зеркальцем копировать старшую сестру, кокетничать и не замечать кривых шероховатых шрамов.

Только сейчас они стали взрослые, а слова были вездливыми, как кислота, растворяющая добро.

Дария медленно увернулась от руки Лейлы, встала так, чтобы быть напротив нее, потом тихо и спокойно спросила:

– А ты сама тоже благодарна, что тебе провели свадьбу и ты живешь не хуже сыра в масле?

Лейла замерла, не ожидая, что всегда подчиняющаяся сестренка вдруг осмелится перечесть ей.

До нее дошли слова Дарии. Она вспыхнула яростью и ударила ее по щеке.

– Запомни мои слова! Каждое слово, что я тебе сказала, и главное не забывай об этом! Выздоровление мамы в твоих руках. Ты пойдешь к ней и скажешь, что согласна на это брак!

2012 год

«Так вот я и узнала, что тот таинственный человек и гость в нашем доме это был мой будущий муж. Человек, который убедил моего отца в выгоде этого брака. Вот почему они так странно вели со мной, прятали взгляды. Я не могла вспомнить лицо будущего мужа, не знала, какой он по характеру, знала только то, что он вдовец, старше меня на двадцать четыре года и у него три сына, старшему из которых столько же, сколько и мне. Он действительно помог нашей семье выбраться из нищеты, встать на ноги, обеспечил всех моих братьев и сестер, но какой ценой? Страх матери был оправдан, если бы я не согласилась, они бы не смогли даже до конца своих дней расплатиться за все затраты этого щедрого человека. А может я так сильно преувеличивала тогда? Да и что я могла думать, я не знала элементарных вещей, что значит быть женой и стать женичиной. Я не верила до последнего, что я не сплю, что это происходит со мной. Что вообще такое возможно в нашем современном мире. Меня лишили всего. Даже подруги, с которой я могла посеCRETничать и отвести душу. Оно было и понятно, ведь Айгуль могла плохо повлиять на мое практически рабское подчинение родным. Мама поправлялась. Это было самое главное на тот момент»...

Глава 9

2012 год

Марат оторвал взгляд от письма и только сейчас заметил, какой за окном льет дождь. Струи холодным потоком неслись по скатам крыш, гремели в водопроводных стоках, забрызгивали стекла и обрушивались тяжелыми плевками на асфальт, образуя моментальные лужи. Марат соскочил с места, закрыл плотно створку окна и вытер образовавшийся ручеек на подоконнике.

Сумбур в его мыслях захлестывало возмущением от прочитанных только что строк. Он нахмурился, будто что-то причиняло ему боль. Уперся ладонями о подоконник и медленно выдохнул.

Моя мать... это жизнь моей матери. Матери?

Он прикрыл на мгновение глаза. Как мягко оно обволакивало сознание своим смыслом это слово – мать. Как тепло касалось его зачерствевшего от казенной интернатской жизни сердце. Как пульсировало обреченной утратой ниточка счастья, которого не дано было ему испытать.

Марат оттолкнулся от подоконника, будто это движение помогло бы ему отодвинуть неизвестные чувства. Он боялся их сейчас, потому что не знал никогда. Не умел правильно открыться им, от чего сердце рвалось на куски, было больно, но в этот момент он не мог понять, что же такое твориться с ним.

Он сел опять за стол, но руки, будто деревянные не могли подчиниться, чтобы перевернуть лист бумаги. Марат развернулся к подоконнику и нервно схватил пачку сигарет, только покрутил ее в руках, но курить не стал. Отставил в сторону и снова сел прямо перед столом, представляя, как она, его мать писала свою откровенность, как снова переживала те годы. Что же она, ждет его? Ждет, чтобы увидеть, какой он стал? Только почему душа рвалась, сопротивляясь здравому смыслу? Если она вышла замуж и родила, что заставило ее бросить ребенка? Может богатому мужу надоела такая игрушка, как она, с искореженной, испещренной ожогами внешностью? Так зачем же ему было жениться, зная об этом? Это она, не видела его толком, не помнила и даже не знала, кто он такой. Но, если этот человек задумал, а ведь он решился на такой шаг не спонтанно, не в порыве влюбленности, в конце концов он был не безусый юнец, а зная, даже возможно планируя этот шаг, осознанно шел к ее родителям с конкретным предложением. Марат тяжело вздохнул. Тогда, спрашивается зачем, чтобы потом отказаться от ребенка? Марат потер подбородок, чувствуя, как под пальцами зашуршала легкая щетина. В его карточке здоровья не было никаких врожденных или приобретенных отклонений. Он бросил беглый взгляд в сторону шкафа, где хранил квитанции и другие нужные бумаги. Среди них была и карточка здоровья, которую выдали с документами после выпуска из интерната. Марат, после рождения, попал в больницу, в отделение для недоношенных, а потом его перевели в дом малютки. Что же тогда произошло на самом деле?

В его логике был сплошной бред. Марат замотал головой, отгоняя лишние мысли. Перевернул лист и стал читать дальше...

...«События, происходящие дальше, я помню смутно. По словам мамы, как только она стала поправляться и вставать с постели, правда, опираясь на палочку после инсульта, внезапно и по непонятной всем причине, заболела я. У меня был жар и температуру сбить не удавалось несколько дней. Я бредила. Районный врач посоветовал незамедлительно вести меня в больницу на обследование. На другой день я уже лежала в палате больницы, но и там вра-

чам не удавалось нормализовать температуру. Обследования не выявили никаких болезней. Разве могли знать врачи, что это на нервной почве. Прошла неделя и консилиум принял решение, что меня необходимо перевезти в город, хотя дороги я могла не вынести. И снова судьба играла со мной, ставя на узкий мост между жизнью и смертью.

Из такого времени я помню, только одно, как шла по золотистому полю, возможно, во сне или в своем бреду, я видела колоссящуюся пшеницу, было так солнечно, что мне приходилось прикрывать глаза рукой. Было хорошо и так радостно на сердце. Где-то вдалеке вокруг белой скатерти сидели мои родственники давно ушедшие из жизни. Я торопилась к ним на встречу, как вдруг ко мне побежал маленький мальчик лет трех, он улыбался широко, приближался ко мне, расставив ручки для объятий. Солнце словно запуталось в его волосах, отсвечивая и переливаясь. У него были карие глазки и светлые волосы. Если бы ты только знал, как мне было хорошо и сладко от этого сна.

Я не помню, только одного важного момента, обняла ли я его, взяла ли на руки, чтобы прижать, поцеловать и вдохнуть детский запах ребенка. С этими мыслями я жила все эти годы. Мне кажется, мой родной, что там во сне, это был ты. Надежды на выздоровление врачи не давали, как и родные не хотели рисковать возить меня в город. Мама, собрав силы, приехала в больницу. Там были все. Не знаю, только и никогда об этом не спрашивала, был ли там мой на тот момент будущий жених.

Мама, прижимая, мою обессиленную руку к своей щеке рыдала и умоляла простить. Она говорила ласковые слова, как в детстве и заклинала не умирать. Я слышала ее голос, как сквозь туман, но четко осознавала все слова.

Она молила, чтобы я выздоровела и поклялась, что не позволит, чтобы меня выдали замуж насильно. Возможно, только она и поняла причину моей внезапной и странной болезни.

Мне было больней всего слышать страдание матери. Я не желала, чтобы она плакала, ее слезы обжигали меня.

Я тоже молчаливо, но плакала, смутно видя изможденное, потемневшее от горя лицо мамы.

А когда она уходила, я лежала и, практически не отводя взгляд от белого потолка палаты, думала.

Ну, что с того, что я выйду замуж? Лейла права, родители не желали зла, они боялись, что я останусь одна, что они состарятся и умрут и никто не позаботится обо мне. Возможно, в том человеке они видели надежного мужчину, и это вселило надежду, что он будет любить меня, несмотря на внешний вид.

И ведь, он был добр, как и щедр, а ведь я могла и не согласиться. Потраченные деньги в нашем незавидном на тот момент положении, могли к нему и не вернуться, если они были взяты в долг. Он рисковал и все же надеялся, что благородными жестами, сможет убедить родителей согласиться на этот брак.

Так я обрабатывала себя по многу часов. Ради того, чтобы мои родные были счастливы, ради может всеобщего спокойствия и моего тоже, я решилась на этот брак, что стало предавать моему здоровью силы и я пошла на поправку.

Я сама сказала об этом маме, когда она снова навестила меня, только у меня было одно маленькое условие, я выйду замуж за этого человека, но они разрешат мне общаться с моей подругой. Видя мое сияние в глазах, мама согласилась, лишь бы я была здорова.

Вскоре меня забрали домой, на тот момент мне как раз исполнилось восемнадцать лет. Съехалось столько гостей, что я просто не ожидала. Как говорила моя мама после болезни, я была еще хуже, чем всегда и такой маленькой, будто мне исполнилось не более четырнадцати. Но главным подарком было то, что мама сама позвала на праздник Айгулю и ее родителей.

на своем празднике я первый раз увидела Амангельды.

Мне и раньше называли его имя, но вот как-то оно не умещалось в моей памяти, а может я так сопротивлялась, не желая его запоминать.

Даже подруга была удивлена, подталкивая меня ногой под столом, когда жених вошел в зал.

Это был высокий мужчина, в светлом костюме, важный, от чего держался прямо и немного свысока поглядывал не всех. Он был светлицый, а волосы черные и даже блестящие.

Мне стало так смешно, от мысли, что я должна выйти замуж за этого человека. Я даже хихикнула невзначай. А он подошел ко мне, после того как поздоровался с отцом и с остальными гостями, сказал что-то со всей важностью своего вида и протянул мне подарочный сверток. Я поблагодарила гостя и будто впала в ступор.

Мне вдруг стало так страшно. Так безобразно отвратительно на душе, здравый смысл не желал умещать эту реальность. Ведь он увезет меня от мамы и моего дома, в свой, для меня чужой дом, где будут чужие люди, а что же его сын, который старше меня, будет называть меня мама?!

Мои руки похолодели, я дрожала, видя эту комнату с гостями, стол с множеством блюд, увлеченно разговаривающих родственников, как-то со стороны. Будто я сидела там и в тоже время стояла где-то в сторонке, не видимая никому.

Только одна подруга заметила, как я переменилась. Мое лицо, вдруг стало обретать искаженные черты, как от нервоза. Это она мне потом так сказала.

Мне стало плохо. Я едва могла дышать. Комната сжималась до минимума и я в ней была зажата, как в тиски. Я боялась, что снова заболею от нервов. Я как в тумане смотрела на присутствующих, слышала как они смеются, эти голоса, смотались в клубок, превратившись в неприятный гул в моей голове. Мама ничего не замечала, хотя мне очень хотелось, чтобы она видела, поняла, как же мне плохо в этот момент. Я перебирала лица взглядом, пока вдруг не встретилась глаза в глаза с взглядом жениха.

Я была на грани срыва. Мне хотелось закричать, прогнать прочь всех этих гостей, убежать самой и я бы сделала это, если б не почувствовала, как подруга взяла мою руку и слегка сжала. Меня трясло мелкой дрожью, а он продолжал на меня смотреть пристально и внимательно – Амангельды. Мне казалось, взгляд его темных глаз, разрывал меня на части, будто я его жертва. Ах, какое удачное слово. Жертва.

Нет, я не хочу жалеть себя. Ведь я сама выбрала свою судьбу. Я осознанно дала согласие на этот брак.

К моему облегчению, гости стали выходить из-за стола на перерыв и я воспользовавшись этим моментом выскочила на улицу, а за мной Айгуль»...

1973 год

...Айгуль тронула за плечо подругу и та резко обернулась, будто боясь, что это кто-то другой. Она взяла Дарию под руку и ободряюще прижала к себе.

– Что испугалась его? – улыбнулась она.

Дария глянула как-то странно, вздохнула тяжело, чувствуя, что силы покинули ее, а ноги подкосились.

– Я согласилась, понимаешь? – безысходно прошептала Дария, – а тут...

– А тут увидела дядьку и испугалась, – закончила за нее не высказанные мысли Айгуль, – ну и что? Ты глянь на это с другой стороны. Он вроде современный мужичок.

Айгуля украдкой глянула через окно на Амангельды, который стоял в коридоре и о чем-то разговаривал с мужчинами.

– Ну, вполне себе приличный, – добавила она, – а главное у него есть деньги. Огромный дом...

– А ты откуда знаешь? – удивилась Дария.

– Ну, слышала, как мама болтала с его родственницей.

– Все знаешь и мне не говоришь! – упрекнула ее Дария.

– Да, знала! А когда мне тебе говорить, если на твой порог не пускали?!

Девушка обидчиво отвернулась, но тут же забыла об этом.

– Слушай, – начала она, повернувшись к Дарие, – ты будешь обеспеченной, приедешь ко мне в город.

– Я его не знаю. Он чужой. И взгляд такой, что сердце холодеет....

– Ай, – маханула на нее Айгуль, – не говори глупости! Не думай о лишнем. Я думаю это правильное решение.

– Ты так говоришь! Вот сама бы вышла за него замуж!?

Айгуль кокетливо приподняла брови.

– Если б предложил, я бы, не задумываясь, вышла... но такая, как я или другая похожая твоему Амангельды не нужна.

Дария удивленно глянула на подругу.

– Почему?

Та цыкнула, и развела руками.

– Потому, что ему нужна верная жена, экономная в хозяйстве, которая станет хорошей и главное надежной для него женщиной. И потом он не станет к тебе плохо относиться, ведь за его плечами уже есть опыт семейной жизни.

Таким мужчинам, нужно быть уверенными в себе, в своей силе, что они вселяют надежность. Поэтому он выбрал тебя!

– Откуда ты все это знаешь? – удивилась Дария, заглядывая в хитрое лицо подруги.

– Ну, общение с людьми, ну и вообще, какая разница! Слушай меня вот и все! Тебе ни мама, ни женге не расскажут этого. И потом правда, ну если тебе так не хочется этого делать, ведь никто и не заставит, верно?

– Да, – тихо произнесла Дария, словно запуганный ребенок, – меня никто и не заставляет. Я сама приняла это решение. Хорошо, что ты приехала, а то мне бы не справится одной. Ты же будешь ко мне приезжать, ну, когда я уже буду жить там, у него?

– Буду, конечно! Я же твоя подруга!»...

Глава 10

2012 год

«Нет, не часто буду я видеть подругу потом, пока наши дороги и вовсе не разойдутся на многие годы.

После моего дня рождения, Амангельды пропал на какое-то время и я было уже успокоилась, воображая, что может он передумал, заболел и хорошо бы вовсе умер. Прости, что пишу такие вещи, но что я, девчонка, могла еще думать. Я боялась, элементарно боялась еще неизвестной мне жизни.

Но однажды Амангельды приехал. Привез много гостинцев, особенно любил мою младшую сестренку Санию. Ей тогда только исполнилось двенадцать лет. Для нее он привозил особенные угощения, яркие книги и даже куклу. Я видела, как млеет от такого внимания мама, как она смотрит на Амангельды, а потом переводит взгляд на меня, будто говоря глазами, ну видишь вот он какой добрый и хороший.

В этот приезд он попросил разрешения прогуляться со мной. Как же мне было дико стыдно, на виду у всего аула, идти рядом с этим человеком. Но проглотив свои эмоции, понимая, что все равно не выкручусь из этой ситуации, я собралась.

Мы шли долгое время и просто молчали. Я понимала, что это прогулка окончательно свяжет меня с ним, потому что так делают женихи, чтобы поговорить о будущем, о предстоящем тое.

Но разговор все как-то не клеился. То ли он не мог подобрать нужных слов, украдкой поглядывая на меня, то ли специально тянул время, чтобы понять какая я. Мы прошли большую часть пути и добрались до самой окраины, когда вдруг Амангельды остановился и повернулся ко мне. Он еще какое-то время молчал, изучая мое лицо, от чего мне становилось еще больше не по себе. Но видя мое смущение, он, наконец, начал говорить.

Правда, не о свадьбе, а стал рассказывать о себе. Что женился рано, была у него прилежная жена, умерла от долгой болезни. Что раньше он был беден и едва сводил концы с концами, чтобы прокормить семью, а наша семья, мол, большая, как его, напомнила Амангельды о тех тяжелых временах. Вот он и решил устроить отца на хорошую работу. Говорил, что я сразу понравилась ему своей особенной добротой и нежностью. Мол, мой возраст его не смущает. Когда люди уважают друг друга и понимают, разница в годах не имеет значение. Говорил что-то еще об этом, но я воспринимала его слова, как-то издали. Мне было многое не понятно. Не знала я, что нужно говорить в ответ, от того больше молчала, глупо краснея и автоматически кивая головой, как манекен, на который вешали кучу непонятных и бесполезных вещей. Может я еще не повзрослела тогда, пропуская важные слова и перебивая их мыслями о чем-то совершенно другом. Вот моя подруга, наверное, за словом в карман не полезла. За те полгода, что мы не встречались с ней, она, конечно, сильно изменилась и даже заметно повзрослела, в отличие от меня. Мне помогли сказанные ею слова, мол, Амангельды нужна надежная и верная женищина и это я.

Еще он рассказывал, что стал много работать, разводил лошадей. Вначале было трудно, даже один год был падеж скота, но он не отчаялся и снова занялся этим делом и вот на тот момент, уже управлял несколькими пастбищами, где помогали его сыновья.

Мне было неловко взглянуть ему в лицо. Оно не было неприятным, может даже напротив, но для меня этот взгляд пронизательных глаз, был тогда хуже всего, так, словно он цеплялся за мои мысли и хотел знать точно и наверняка, что же я о нем думаю. А я о нем

старалась не думать, вернее, так получалось, что я больше мечтала о том, что скоро придет брат, что я должна сделать по дому, обо всем кроме этого человека.

Но Амангельды продолжал рассказывать про свой дом, мол, не хватает ему доброй и хорошей хозяйки. Спрашивал меня, о чем я мечтаю, но что я могла сказать? Что не хочу замуж, а желаю больше всего на свете стать медсестрой?

Еще немного прогулявшись, мы вернулись домой. Амангельды о чем-то поговорил с папой и уехал, попросив разрешения уже у меня вскоре снова приехать.

Следующего приезда я не ждала с прежней пыткой. Стала спокойней. Помогала в этом конечно Айгуля, навещая меня и успокаивая. Да и разговора о моем женихе, мы почти не заводили, были более важные темы, а главное веселье и беззаботные, где царила искренняя радость и счастье. Хотя между нашими беседами, подруга нет-нет да, поучала меня жизненным хитростям, чему я не переставала удивляться.

А приехав вновь, Амангельды привез мне подарок, серебряный браслет своей мамы. Мне никогда не делали таких подарков и не разговаривали так, как это делал он. Жаль только, что в силу своего возраста, я принимала сухую учтивость за доброе отношение и нежность.

Он был, конечно, мягок, но как-то скованно, будто эта роль давалась ему тяжело, так словно на самом деле он никогда и ни с кем себя так не вел.

Мы снова гуляли, я больше молчала, пока он строил, именно строил нашу будущую жизнь. Заявляя об этом так, словно она должна быть как по расписанию. Я воспринимала все только в своем понимании, потому что в моем представлении был только один образец семьи – это там где я жила, с родителями, братьями и сестрами. Ну а у Амангельды был свой строгий уклад, где он диктовал всю жизнь всем до самых мелочей. Но об этом я узнала гораздо позже, перешагнув порог его дома.

В то свидание мы еще немного походили вместе, а на прощание он поцеловал меня в щеку. Это было непривычно, но и не вызывало во мне отвращения. А потом Амангельды сказал, что свадьбу удобно будет сыграть в конце лета. В этом мы совпали, мне очень нравился август, когда не так палит солнце, но еще тепло и хорошо. Вскоре мы с мамой и Бахыт поехали в город выбирать платье. По-девичьи я была счастлива только от того, что могу сама ходить по магазинам и выбирать наряд на собственный вкус. Но это только мне так казалось. Мама с грустью в голосе и глазах, посоветовала выбирать скромный и не дорогой наряд, который бы соответствовал моему жениху. Было очень обидно, но разве я могла перечить?

Не хочу описывать сватовство и свадьбу. Скажу только, что все было весьма скромно, как и мое платье. И только потому, что Амангельды уже не молодой парень, он вдовец, отчего свадьба не имела смысла быть яркой и громкой. Вот именно, а зачем же учитывать то, что для меня молодоенькой девочки все это было впервые!?

Но это был первый и яркий пример того, где было мое место»...

2012 год

...Марат провел пальцем по сморщенным складкам бумаги. Каждая строчка сейчас давалась с трудом. Смятые, разорванные листы, склеились не везде ровно, от чего приходилось местами останавливаться и вдумываться в смысл текста. Но труднее всего было воспринимать эту правду. Он откинулся на спинку стула, покрутил в разные стороны письмо и задумался.

Разве возможно такое? В нашем современном обществе? Ну, пусть это было около сорока лет назад, все равно, не средневековые же! Он поднялся с места и заходил по кухне. Сейчас было важно понять, уложить все это в голове.

Марат присмотрелся к следующим строчкам, ломая голову над зажатými буквами в разорванных складках послания.

Чертова кукла Рита! Неугомонная стерва!

Марат выругался на выходку Риты, которая порвала письмо в порыве гнева.

Он вспомнил ее разлохмаченные пряди, как она демонстративно вытянула руки, поджала губы, будто это ей помогало, остервенело разрывать единственную связь между матерью и им...

Марат встал возле окна. Дождь почти прошел. Совсем по-летнему разбушевавшись, прогоняя людей и сбивая дорожную пыль, он стремительно скрылся где-то в закоулках.

Края крыш еще всхлипывали редкими каплями, срывались в свинцовые лужи и разочарованно тонули в них, превращаясь в единую жидкость где-нибудь на тротуаре или в забытом уголке города.

Только холодная сырость напоминала, что это осень. Всего лишь сезон, отгородивший воспоминания солнечного тепла, от долгих морозных месяцев непроглядной белизны снежного покрова зимы. Но в ней была своя своеобразность и редкое мгновение чего-то дорогого и важного на всю жизнь.

Марат всегда вспоминал эту неудержимую морозную дурь детства, когда летишь на улицу не разбирая преград, когда бесишься до тех пор, пока зад не начинало покалывать от переохлаждения, как и кончики пальцев рук и ног. Когда кидаешься животом на кусок фанеры и стремительно летишь вниз с горы, подпрыгиваешь на кочках, врезаешься в преграду, получаешь новое волшебное пятно на колене, которое умеет цвести, но это не имеет значение, только радость, до краев заполняющая сердце, вытисняющая все, абсолютно, даже свой собственный мир, расплескивается и щекочет капельками счастья.

Как часто ему также хотелось прыгнуть на кусок картона и прокатиться вниз с ледяной горки в снежном городке. Только заостренная радость, разжиженная в середине, а по краям тонкая, но крепкая, как стена зачерствелости.

В свои восемнадцать лет, он считал себя юнцом, может более закаленным, чем сверстники из благополучных, полноценных семей, но все-таки едва шагнувший вперед от барьера, за которым осталось детство.

А тут, восемнадцатилетняя девчонка, которая едва повзрослела, вынуждена отдать себя мужику, именно мужику, старше себя в два раза!

Вынуждена... Разве в такое можно верить? Сказка, про добро и зло. Марат вернулся к столу и еще раз прочел последние строки письма.

Девушка, которая решила пожертвовать ради благополучия родных и семьи.

Бред! Он еще раз, прочитал место, где Дария, то есть мать, говорит о согласии на замужество.

Было тяжело усмирить в себе нахлынувший гнев, вызвавший неразбериху в чувствах.

«Дом Амангельды был действительно большой. Не новый, но видно было, что за ним внимательно следили и содержали в чистоте. Я шагнула за порог, и следом вошел мой, уже ставший тогда, законный муж Амангельды.

Он прошел вперед, и мне показалось, даже не замечая, что я здесь. Стал демонстративно скидывать вещи, что означало, что я должна была немедленно их подобрать и сложить на стуле. Конечно, я была робкой, привыкла слушаться папу, потому стала делать, так как должна была, а именно показала свое полное подчинение мужу»...

Глава 11

1973 год

Дария села на край стула и огляделась по сторонам. Беленые стены, ровные и чистые. Такие же белоснежные тюли на окнах. Только все здесь было чужое. И пахло в доме, нет, не неприятно, но так, что четко ограждало понимание совершенно другого пространства, мира, где она, как инородное существо, не могла втиснуться в это место своим сердцем. Может только пока. Ведь она должна привыкнуть к новому дому, теперь это и ее дом тоже.

Чистые полы аккуратно выкрашены, дорожки без единой соринки. Мебель не современная, но видно, что очень добротная. Широкая кухня с большим окном во двор, где посередине стоял круглый стол, с одного бока сундук с накрытым покрывалом, украшенный казахским орнаментом, заправленные табуретки стояли тоже аккуратно, так будто их только что кто-то поправил после тщательной уборки. Рядом стоял буфет с посудой, на противоположной стороне еще сундук с чеканками на углах, возле него стол, где была сложена кухонная утварь и прикрыта полотенцем.

Из кухни был вход в зал, со своего места Дария видела только ковры на полу, а дверной проем закрывали наполовину шторы. Между дверными проемами висела простая картина, дальше дверь в комнату. Там все, что можно было разглядеть это стоящий стул, на котором висела мужская одежда и на полу так же хороший ковер. С другой стороны были еще двери в комнаты, их Дария разглядеть не успела, испуганно подняв голову на Амангельды, который встал рядом и прищура посмотрел на нее.

– Завтра ты успеешь здесь оглядеться, – сказал он, – я уеду до вечера по делам. Тебе на помощь придет жена моего старшего сына Гульден, она подскажет по хозяйству.

Амангельды развернулся в сторону комнаты, но вдруг остановился и глянул на Дарию. Она не шевелилась, совершенно растерявшись перед мужем.

Мужем, как это странно. Вот еще вчера она была Дариюша, как ее ласково звали дома, девчонка, мечтающая о не сбыточном, а теперь она жена. Дария только на мгновение потерялась в своих размышлениях, и будто очнувшись от этих мыслей, растерянно посмотрела на все еще ожидающего ее Амангельды.

– Ты здесь намереваешься спать? – его голос в тишине пустого дома, где были только они вдвоем, обрушился на нее как шквал ветра, неожиданно срывая последние мгновения ее прежней, девичьей жизни, чтобы подтолкнуть в новую, неизвестную и пока еще непонятную жизнь. Дария испуганно бросила на него взгляд и медленно поднялась с места.

Она шагнула за порог спальни, но дальше сделать идти не смогла и остановилась. Сердце безумно билось в груди, будто зверек, попавшийся в лапы хищника. Она вздохнула, пытаясь успокоить свою нервозность. И решив отвлечься от ненужных мыслей, осмотрелась вокруг. Сразу за дверью стоял большой полированный шифоньер, дальше на стене висел тяжелый красный ковер до самого окна, прикрытого желтоватого цвета шторами с огромными коричневыми цветами. В этой комнате все было строго, никаких лишних вещей. На столе с плюшевой скатертью лежали только наручные часы Амангельды, которые он только что снял и стопка газет, на которых возвышались очки.

Дария глянула на стену над столом, там, где висели портреты двух женщин, а на двух других дети. Фото было давнее, черно-белое. Хотелось подойти ближе и рассмотреть их лучше, а может спросить кто это. Нет, говорить вообще не хотелось. Только острое желание, взять и стать в одно мгновение старой, что бы дети, внуки, почести и... только чтобы не замедленная кинолента жизни длиною в вечность.

Такая простая мысль, обдала Дарию жаром, но мысли резко вытеснила реальность.

Она увидела, как Амангельды снял рубашку и со скрупулезностью, повесил ее на спинку стула. Он присел на край постели, снял носки и брюки. Оставшись в белой майке и трусах, откинул одеяло, сопровождая эти действия громким сопением и кряхтя. Наконец, улегся. Дария стояла на прежнем месте опустив голову, словно наказанная школьница, готовая разрыдаться, убежать, только не находиться здесь, в этом доме, где все было такое отталкивающее, чужое.

Она опустила взгляд на пол, на свои маленькие ножки в носочках, которые сама выбирала в магазине. Вдруг вспомнила, как прощалась с домом, как провожали ее родители и родные. В сердце тогда закралась такая тоска, которая до сих пор медленно подтачивала ее хрупкое существо, как предчувствие, будто она, Дария, больше не вернется в родительский дом никогда.

Даже Лейла, всегда такая упрямая и гордая, искренне обняла сестру и пожелала быть счастливой.

А что такое счастье?

Дария невольно всхлинула и крупная капля слезы сорвалась с щеки и тут же утонула в пушистом ворсе ковра.

На какой-то миг, она даже пожалела, что не отменила все, тогда, в больнице, но видя лица родителей, снова смерилась и молча села в машину, которая увезла ее далеко от родного аула, туда, где начиналась ее, другая, взрослая жизнь...

2012 год

Марат прикрыл глаза и протер их ладонями. Небо как будто начинало рассеиваться. Уже не так провисала дождливая свинцовая бесконечность неба, угнетая осенней хандрой. То и дело местами просвечивались белесые ленты, растягивались в узкие полоски, а где-то и вовсе образуя бесформенные пятна за которыми просвечивался бледный лик солнца.

Он поднялся с места и позволил себе все же закурить сигарету. Глубоко вдыхая дым, смакуя его горчинку во рту, он тяжело выдохнул, выпуская в приоткрытое окно синеву дымка.

Ему вдруг вспомнился день, когда он возвращался в корпус с подружкой из интерната и вдруг нарвался на компанию старшей группы. Марату было только шестнадцать, а те почти выпускники.

Своеобразная дружба в интернате складывалась у всех примерно одинаково и, видя это, Марат долгое время не обращал внимание на девочек, а тут к ним в интернат перевели из детского дома новенькую. Она была хорошенькой и такой робкой среди еще незнакомых ребят. Почему-то сейчас подумалось, что Дария, была чем-то похожа на эту девочку. В любом случае Марат не знал, как по-другому представить свою мать юной и беззащитной.

Ту девочку звали Света. Она и сама была светлая душой с пшеничного цвета волосами. Хрупкая и тихая, как едва пробившийся цветок среди грубой и пожухлой на солнце травы.

Конечно, увидев ее, Марат не смог быть равнодушным. Она зацепила его душу, закралась в глубину сердца, поселившись в нем первой любовью.

Только это был страх. За нее, прежде всего. Он вздрагивал по ночам от мыслей и от идиотских снов, подкрадывался к корпусу девочек, чтобы узнать все ли с ней нормально. Он знал хорошо порядок и законы, так же как и то, что дружба со Светой будет обреченной.

Эта внезапная опека, ответственность, была грубоватой и неотесанной. Но искренней и чистой. Марат ухаживал, как получалось, не ударяясь о преграду безразличия и равнодушия со стороны Светы. Так они и стали дружить.

Только старшие и сильные получали все.

Однажды, Света прибежала к нему сама, заплаканная и запуганная. Она попросила его пойти с ней и ни о чем не спрашивать.

Был день, весенний чуть прохладный. Уроки закончились и было свободное время.

Среди ребят подростков, была связанная и только им принадлежащая тайна о чердаке. Воспитатели ни о чем не догадывались. Там собирались, время от времени, пары и вот именно туда вела Марата Света.

Она прикрыла за ним дверцу чердака и вдруг горячая и влажная от слез прильнула к губам.

Это были не те поцелуи в закоулках томные, нежные и долгие до пересохших губ. Она целовала жгуче, страстно, что-то шептала невнятное, смешивая свое дыхание с его.

Юная запальчивость горячей крови, взрывная волна эмоций, отдала их друг другу в свой первый незабываемый раз.

После чего она молча, прижалась к его худощавой груди, будто вмиг повзрослев, окутанная суровыми мыслями.

Потом они должны были вернуться в свои корпуса, когда и вышли на встречу старшие пацаны.

Марат не растерялся, он готов был к неизбежной драке, понимая, что шансы его равны нулю, но хотя бы кто-то все равно попробует его кулак. Он инстинктивно отодвинул Свету за спину и вдруг непонимающе захлопал глазами. Она задержала его руку и как-то странно, с такой тоской глянула в глаза.

– Не надо Марик, – тихо произнесла Света, – я уйду от тебя. Это мое решение.

– Что?! – глаза Марата потемнели от злости, – нет!

– Не шуми и уходи, – прошептала она почти возле уха, – ради меня. Только запомни, то, что было...

Конечно спустя какое-то время, узнав о том, что Светка стала промышлять в воровской среде, уже спустя годы после выпуска, Марат понял, почему она ушла к парню старше. Чтобы спасти его от побоев и верной гибели. И прибежала тогда в слезах, потому что уже приняла решение, после видимо долгого разговора с теми, кто ее запугал, прибежала, чтобы попроситься и подарить самое ценное, что было у нее тогда.

Марат стряхнул пепел в банку и снова затянул дым сигареты.

Это не было сверхъестественное происшествие тогда. Такое случалось сплошь и рядом. Это один из законов интерната, когда старшак имел право выбрать девушку на день или на вечер, мог даже надолго, пока не надоеет.

Мог подарить или отнять. А согласие или отказ не воспринимались всерьез. По воле или пойти по рукам, выбора у девчонок было мало, особенно у красивых.

Еще долго после этого Марат отплевывался кровью от несдержанного характера и не желания умереть с потерей подруги...

В представлении снова возникала хрупкая фигурка девушки с черными косами, которая менялась в лице на светленькую и нежную подругу из интерната. Как же просто управлять силой и желанием, получать то, что хочется... чувствовать свою власть над слабым, беззащитным. Грубо возвышаться над хрупкостью и сломать ее, зачеркнув чистоту желанием подавлять.

Как хотелось знать, заглянуть в прошлое, в мысли этого Амангельды, чтобы понять, была ли хоть капля любви в его сердце.

А хотя о чем он! Нет, этого не было в поведении Амангельды, как рассказывала о нем мать. Это было похоже на то, что происходило в интернате, сильный захотел, чтобы был исполнен его каприз, каприз получить желаемое.

Да и сам Марат, уже в выпускном классе, был чем-то похож на тех, кто сломал его юное чувство, кто исковеркал судьбу хрупкой девочки. Он также брал то, что желал, только стой разницей, что желание было обоюдным.

Марат затушил окурок о край банки, прикрыл окно и сел за стол.

Глава 12

1973 год

Резкий стук заставил Дарию внезапно проснуться и замереть. В комнате был полумрак. Не сразу она поняла, где находится. Приподнялась на постели, как вдруг дернулась от испуга, когда дверь в комнату неожиданно распахнулась. За спиной появившейся фигуры падал яркий дневной свет. Значит уже утро, и она находится...

– Ну и любишь же ты поспать! – Дария пригляделась и увидела в дверном проеме круглолицую девушку, которая стояла, подпирая руки в бока, – вставай! В нашей семье не любят лежебок!

Дария откинула одеяло и встала, но тут же смущенно накрыла за собой постель, только от девушки, которая прошла в комнату, чтобы распахнуть шторы, не укрылись алые пятна на простыне.

– Белье в шифоньере, – сказала она, ухмыльнувшись уголком рта, – я чай приготовила. Поторопись, дел накопилось немало.

Дария накинула кофточку и посмотрела на девушку, которая чувствовала себя здесь вольготно, будто жила в этом доме многие годы.

– Ты ведь Гульден? – спросила Дария.

– Да, я жена Оразбека, старшего сына Амангельды, мы виделись на свадьбе, – сказала она, не оборачиваясь на Дарию, и быстро вышла из спальни, тяжело ступая по половицам.

Дария быстро переоделась и, собирая на ходу волосы в пучок, прошла на кухню, чувствуя запах еды, от чего сильно захотелось есть.

– Давай только быстро, – приказала Гульден, – и смотри ты уже не в родительском доме, чтобы спать до обеда все время, ясно? Я за тебя по утрам скот поить и на выгон отправлять не собираюсь. У самой дел куча. Так что покажу, что как, а потом сама справляйся.

Дария слушала Гульден широко распахнутыми глазами и только кивала. Та примостилась напротив стола, задрав одну ногу на табурет, и стала торопливо кушать.

Она хитро глянула на Дарию, запихивая большой кусок баурсака в рот.

– Если будешь шустрая и все делать правильно, папка к тебе будет относиться хорошо...

– Кто? – не понимая, переспросила Дария.

– Муж твой, глупая! Он же мой свекор! Я его папкой зову!

– А... – растерялась Дария.

Гульден громко отхлебнула горячий чай и внимательно глянула на запястье Дарии.

– О, – протянула она, – тебе подарил.

Дария посмотрела на свою руку, на которой был надет серебряный браслет, подарок Амангельды.

– Подарок, – робко улыбнулась она, – сказал, что это его мамы.

– Да, до тебя его жена носила, – небрежно кинула Гульден и снова откусила смачный кусок баурсака, – он хотел похоронить с ней, но не положено же по мусульманскому закону погребения.

Дария напряглась от этих слов и как-то приникла. Ей стало не по себе от такой новости, что, по сути, браслет был снят с мертвой женщины и передан ей. Она потеряла руку над браслетом, но снять его не решилась.

– Ладно, – поднялась тяжело Гульден, – пошли во двор, покажу твою работу. Потом пойду к себе, я через дом живу. Позже приду, помогу с едой. Готовить хоть умеешь? Папка любит покушать хорошо и вкусно.

Дария только пожала плечами, не зная, что ответить. Она отставила еду в сторону и поторопилась за Гульден, так и не позавтракав.

Во дворе работа закончилась, но в дом Дария заходить не хотела. Солнышко приятно пригревало плечо и щеку. Она развернулась к нему лицом и зажмурилась, подставляясь ласковым лучам.

Что сейчас делает мама? Может тоже думает о ней? Когда в их дом пришла Бахыт, жена Бауржана, они к ней отнесли со всей добротой. Мама никогда не ругала ее, подсказывала, как нужно справляться по хозяйству. Может если бы у Амангельды была жива мама, она тоже так помогала и любила ее. Дария вздохнула и нехотя повернулась в сторону входной двери.

Здесь она не знала, что делать и как. Мама была далеко, оставалось только вспоминать, как себя вела Бахыт и что делала она сама, справляясь по хозяйству.

Она вошла в дом и глянула на не прибранный стол. Все здесь было такое чужое. Так хотелось сбежать, пусть по пустынной дороге, пусть даже идти всю ночь.

Дария села на край табурета.

Только что же скажут ее родители? «Ты уже взрослая дочка, сама согласилась выйти замуж, так что возвращайся-ка к мужу...»

А он, Амангельды, что он бы на это ответил?

«Опозорить меня решила? Разве я плохой муж?»

Нет не плохой, наверное, только такой чужой, такой строгий, от чего даже горечь появлялась во рту. И этот взгляд, будто раскаленный прут, прожигает до самого сердца. А может она его не знает и потому он кажется таким?

Она вздохнула от своих дум.

Дария запахла кофточку, будто она могла согреть ее стывшую от свалившейся внезапно взрослой жизни душу, успокоить своим тонким теплом, может только одной мыслью, что она, эта кофта связывала ее с домом. Там она носила ее только на выход или в гости, а здесь как-то невольно получилось, что даже пришлось выйти в ней в сарай, потому что не было ничего рядом, что можно было надеть вместо нее.

Она вздохнула, прижимая руки к груди. Ее взгляд невольно остановился на запястье. Она вспомнила слова Гульден, что этот браслет был на первой жене Амангельды. Дария выкрутила браслет с руки и положила его на стол. Она задвинула его в сторону от себя, только бы забыть хотя бы на время, что его нужно носить в знак уважения к мужу...

Дария поднялась с места и стала быстро убирать со стола. Закончив на кухне, прошла в спальню и приблизилась к фотографиям на стене.

Узколицая женщина строго смотрела на нее с портрета. Волосы собранные назад, на половину прикрытые платок, из-под темного пиджака высывался белый воротничок блузы.

Возможно, это была мать Амангельды, уж слишком схожи их черты лица, прямой и пронизывающий взгляд.

Дария посмотрела на другие фотографии. Здесь были его дети, еще маленькие. С пухлыми губами и одинаковыми чубами вокруг выстриженной головы. Сейчас, старший сын женат на Гульден, а двое других, учатся в городе. Они хоть не очень похожи на отца, но тоже рослые и широкоплечие, как Амангельды.

С ними вместе стояла миловидная женщина. Возможно, это и есть жена Амангельды? У нее был добрый взгляд, она широко улыбалась, прижимая к себе мальчиков. Неужели она умерла рано, бедняжка? Что за болезнь отняла у нее жизнь? Спрашивать об этом у мужа неудобно, вдруг ему больно вспоминать. Да и не хорошо быть любопытной.

Дария грустно вздохнула и обернулась на не заправленную постель. Она решительно отдернула одеяло, сорвала простыню и выкинула ее на пол. Невольно в памяти закрутилась прошедшая ночь. Дария зажмурилась, только бы не подпускать к себе больше эти воспоминания. Выдохнула резко, будто отгоняя неприятные мысли и быстро направилась в другую комнату, там, где были сложены в сумках приданое. Она нашла среди упаковок красивое постельное белье, застелила кровать, сменила на новую посуду, старые пиалы и тарелки, убрав их в шкаф. Освободила для своих вещей полку в шифоньере, а после довольная такой переменой в доме, которая сумела внести что-то ее, родное, села на край сундука и осмотрелась, что нужно сделать еще по хозяйству.

Настроение немного прибавилось, Дария ходила по комнатам, ей казалось, что она находится в своем доме, представляла, будто мама говорит ей, что нужно сделать и словно по ее указанию, она все исполняла. Лейла в воображении тоже присутствовала и фыркала недовольно, мол, получается все как у криворучки, на что папа отвечал, мол, дочка ты молодец. Увлеченная, своими фантазиями, Дария не заметила, как время приблизилось к вечеру...

2012 год

...« Дни потянулись за днями. Так я понемногу стала привыкать к новому дому, к родственникам. Выполняла домашнюю работу, справлялась с хозяйством во дворе. Только к самому мужу все еще испытывала некий страх, особенно если он неожиданно появлялся, будто хотел проверить, что же делает молодая жена. И все вроде шло, как положено, пока я не узнала, что ко мне в гости хотела приехать подруга, а муж, настоятельно попросил маму, не пускать Айгуль ко мне. Как объяснил потом Амангельды, ему не нравилась эта распущенная девица и в своем доме ее терпеть он не собирается. Подруга могла оказать плохое влияние на теперь уже замужнюю женщину, то есть меня. Как мне было горько, как я плакала и все равно изменить наказ мужа не могла. Наступила осень. Стало сыро и холодно. Я скучала по своим родным. Скучала, конечно, только сердцем, работы в доме хватало, да так что бы потом падать беспробудным сном. А там снова коровы, мелкий скот, а к зиме прибавились еще и лошади.

Но я не сетовала, для меня это было наоборот хорошо, быть всегда занятой. Время пролетало молниеносно, чего мне так хотелось.

Время, оно говорят способно лечить любые раны, только мое время отняло у меня молодость, лучшие годы и никак, поверь, мой сыночек, никак не лечило мои, кровоточивые раны души. Единственное, что могу вспомнить хорошее, действительно хорошее в своем прошлом, это радостную весть.

Я ждала ребенка. Надо было видеть, как переменялся Амангельды. Как он радовался и ждал сына. Я стала в доме почти королевой. Доставалась вся тяжесть работы бедняжке Гульден. Ей приходилось бегать на два дома, поить скот, таскать тяжести, которые могли повредить моему положению. Я же справлялась по дому, тем более уже наступили морозы. Амангельды привозил из города сладости, шоколад. Все время спрашивал как я. И я уже была на седьмом небе от такой перемены, от счастья, что мой муж оказывается вовсе не суровый и злой человек, а очень добрый и заботливый. Он говорил всем, что скоро его Дария подарит ему сына»...

Глава 13

«Август выдался как никогда жаркий и засушливый. Амангельды пропал на пастбищах, надо было вдвое следить за лошадьми, отгонять их к водоемам. Возвращался он поздно, а то и вовсе оставался на ночлег с пастухами. Было только четыре утра, когда я почувствовала недомогание. Со мной всегда находилась Гульден или сестра Амангельды Жанара. Это были схватки. Я испуганно смотрела на Гульден, которая, со сна, никак не могла сообразить, что делать. Она уже собралась убежать к телефону, который находился в нескольких домах от нас, как вдруг я так испугалась, что стала умолять ее не уходить. Мне было страшно, а вдруг что-то пошло бы не так и я рисковала бы потерять ребенка. Такое бы Амангельды точно не простил»...

...Марат оторвал взгляд от строчек из письма и недоуменно посмотрел на входную дверь, за которой настойчиво трезвонили в звонок. Он поднялся, предварительно сложив письмо и отодвинув в сторону.

Кто бы это мог быть? Может кто из бригады? Только бы не Рита, это сейчас вообще некстати.

Марат заглянул в дверной глазок и облегченно расслабился. В подъезде стоял молодой человек в бейсболке и нервно крутил карандаш в пальцах.

– Илона? – парень опешил, перед резко раскрывшейся дверью и глупо захлопал глазами.

– Я так сильно похож на Илону? – серьезно спросил Марат.

Парень быстро пришел в себя, заглянул в свой записной журнал, видимо с данными адресатов и ярко улыбнулся Марату, будто только что не задавал идиотского вопроса.

– Мне нужна Илона Миллер, ей посылка.

– Выше этажом, – буркнул Марат и захлопнул дверь, чертыхнувшись про себя.

Он взял сотовый телефон и набрал смс сообщение предупредить ребят, что сегодня, возможно, не придет, а завтра с утра все проверит. Затяжной получился объект в этот раз. Обычно справлялись быстро. Только сейчас в голову совсем не шла работа. И это было не похоже на него. Работа всегда была на первом месте и главное качественная. А тут, ну да с одной стороны, не каждый же день узнаешь подробности о своем рождении. И опять эта чертова загадка, почему папаша решил бросить его, сына, тем более, как пишет мать, он так сильно желал рождения мальчика. Марат нетерпеливо развернул лист, стараясь аккуратно обращаться с ними, сел удобней, слегка наклонившись над письмом, и быстро отыскал строчку, на которой остановился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.